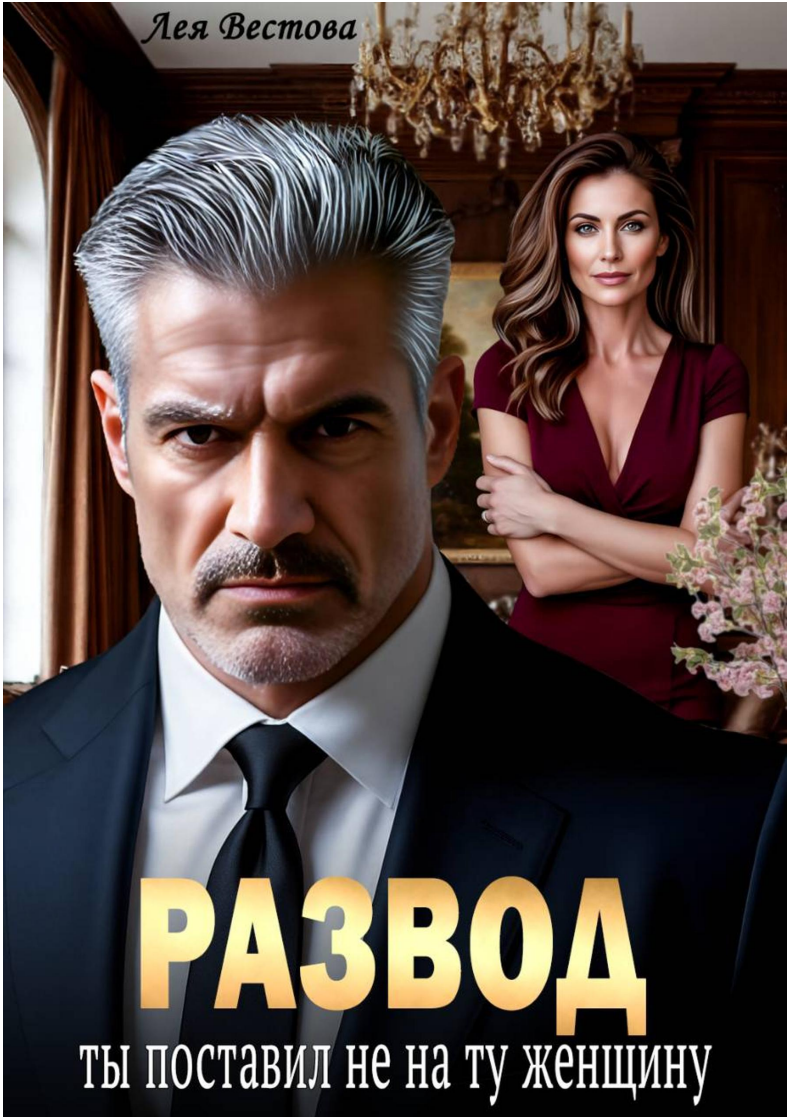
Лея Вестова
РАЗВОД
ты поставил не на ту женщину

Лея Вестова

Развод. Ты поставил не на ту женщину

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73112013
SelfPub; 2026

Аннотация

– Марина, я все объясню…это ошибка

– Мама, я хотел рассказать…я не знал, как..

Но я их не слышала. Внутри меня что-то оборвалось. Та тонкая струна, что двадцать пять лет играла мелодию любви и доверия, лопнула с оглушительным звоном, который слышала только я. Боль была физической, она скрутила мои внутренности в тугой, раскаленный узел. Мне хотелось закричать, бить посуду, вцепиться в лицо мужу…

Вместо этого я присела на корточки, заглянула в заплаканные, испуганные серые глаза дочери моего мужа.

– Как тебя зовут?

– Аня…

Я через силу заставила свои губы растянуться в подобие улыбки.

– Не бойся, Аня. Тебя никто здесь не обидит. Лида, отведите Аню в гостевую спальню. Покорми и включите мультики.

Потом я обернулась к мужу и сыну. На моем лице не дрогнул ни один мускул.

– Праздник продолжается.

И, расправив плечи, с идеальной осанкой и вежливой улыбкой на лице, вернулась в гостиную, где все еще играла музыка и смеялись люди, не подозревающие, что мой мир только что сгорел дотла

Содержание

Аннотация	5
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	50
Глава 7	60
Глава 8	72
Глава 9	87
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Лея Вестова
Развод. Ты поставил не на ту женщину

Аннотация

– Марина, я все объясню…это ошибка

– Мама, я хотел рассказать…я не знал, как

Но я их не слышала. Внутри меня что-то оборвалось. Та тонкая струна, что двадцать пять лет играла мелодию любви и доверия, лопнула с оглушительным звоном, который слышала только я. Боль была физической, она скрутила мои внутренности в тугой, раскаленный узел. Мне хотелось закричать, бить посуду, вцепиться в лицо мужу…

Вместо этого я сделала шаг к плачущей девочке. Присела на корточки, заглянула в ее заплаканные, испуганные серые глаза.

– Как тебя зовут?

– Аня…

Я через силу заставила свои губы растянуться в подобие улыбки.

– Не бойся, Аня. Тебя никто здесь не обидит. Лида, отве-

дите Аню в гостевую спальню на втором этаже. Покорми и включите мультики.

Потом я обернулась к мужу и сыну. На моем лице не дрогнул ни один мускул. Мой взгляд был пуст, как выжженная земля.

– Праздник продолжается.

И, расправив плечи, с идеальной осанкой и вежливой улыбкой на лице, вернулась в гостиную, где все еще играла музыка и смеялись люди, не подозревающие, что мой мир только что сгорел дотла.

Глава 1

Сентябрьский вечер укутывал наш новый дом мягким бархатом, пахнущим влажной землей и последними астрами. Я стояла у панорамного окна с бокалом безалкогольного шампанского, и крошечные пузырьки, колючими искорками взбегавшие вверх по тонкому стеклу, казались точным отражением моего состояния – такого же игристого, пьянящего, переполнявшего меня до краев счастья.

Двадцать пять лет. Серебро.

Слово было красивым, весомым, как старинная монета. Оно оседало в душе приятной тяжестью, отзываясь теплом в кончиках пальцев. Четверть века. В голове не укладывалось. Целая жизнь, прожитая с одним человеком. И какая это была жизнь!

Я обвела взглядом гостиную. Гостей было немного, только самые близкие – те, кто прошел с нами огонь и воду. Друзья, ставшие почти семьей, пара моих университетских подруг, с которыми мы до сих пор могли смеяться до слез, и, конечно, наша с Виктором гордость – двадцатитрехлетний сын Алексей. Все было именно так, как я хотела: не пафосное торжество, а уютный вечер в доме, который стал символом нашего общего успеха. Нашей победы.

Мой взгляд остановился на муже. Виктор, высокий, подтянутый в свои сорок девять, с благородной сединой на вис-

ках, которую он так элегантно научился носить, стоял в центре небольшой группы и что-то с жаром рассказывал. Он всегда был душой компании – обаятельный, уверенный, с той самой легкой усмешкой в уголках глаз, которая когда-то обезоружила меня, двадцатиоднолетнюю «отличницу», и продолжает обезоруживать всех вокруг до сих пор. Я поймала себя на мысли, что любуюсь им, как в те далекие студенческие годы, когда он, лохматый и дерзкий, в потертой джинсовке, пахнущей ветром и свободой, ворвался в мою распланированную на годы вперед жизнь и перевернул все с ног на голову.

Он был моим главным приключением. Моей самой рискованной и самой выигрышной ставкой.

– Мам, ты чего? – рядом возник Алексей, такой же высокий, как отец, но с моими, как говорили все, вдумчивыми глазами. Он заботливо поправил на моих плечах кашемировую шаль. – Замерзла?

– Замечталась, – я коснулась щеки сына. Совсем взрослый. Уже несколько лет он работал с нами в компании, и я видела, как Виктор гордился, говоря, что из Лешки выйдет отличная замена. – Смотрю на вас и думаю, какая же я счастливая.

Алексей на мгновение отвел взгляд, и его улыбка стала чуть напряженной.

– Мы тоже счастливые, что ты у нас есть.

Он быстро поцеловал меня в щеку и отошел к друзьям,

а меня укололо едва заметное, похожее на укус комара, чувство тревоги. Какая-то тень промелькнула в его глазах. Или мне показалось? Наверное, просто устала. Последние недели перед новосельем и юбилеем были похожи на марафонский забег.

Я сделала еще один глоток. Шампанское приятно холодное, пахло персиками и успехом. Этот дом… мы мечтали о нем лет десять. Я рисовала его в воображении, вырезала картинки из журналов, продумывала каждую деталь, от оттенка паркета до ручек на дверях. Просторный, современный, с вековыми соснами за окном. Место, где можно было, наконец, выдохнуть после многолетней гонки. Гонки, которую мы начали вдвоем, с одного подержанного компьютера в съемной однушке на окраине Питера, где пахло сыростью и нашими сумасшедшими надеждами. А теперь… теперь у нас была одна из ведущих логистических компаний в регионе, стабильность, уважение и этот дом, как венец всего, чего мы добились.

Виктор поймал мой взгляд через всю комнату, улыбнулся и поднял свой бокал, словно говоря: «Это все для тебя». И я улыбнулась в ответ, чувствуя, как внутри разливается нежность. За эти двадцать пять лет бывало всякое: и безденежье, когда мы делили один пакет пельменей на три дня и ссоры до хрипоты из-за провального контракта, и бессонные ночи над проектами. Но мы всегда были вместе. Он был моей каменной стеной, я его тихой гаванью и верным штурманом.

– А теперь, друзья, минуточку внимания! – голос Виктора наполнил гостиную. Разговоры стихли. Он встал у камина, в руках у него подрагивал бокал. – Вы знаете, я не большой любитель громких слов, но сегодня особенный день. Двадцать шесть лет назад я встретил девушку. Умную, красивую, немного строгую… И я понял, что пропал.

Гости одобрительно засмеялись. Я почувствовала, как к щекам приливает румянец, совсем как в юности.

– Говорят, семья – это тяжелый труд. Ерунда. С тобой, Марина, это не было трудом. Это было самым захватывающим путешествием в моей жизни. Ты была рядом, когда у нас не было ничего, кроме амбиций. Ты верила в меня, когда я сам в себе сомневался. Все, что у нас есть, – этот дом, наша компания, наш замечательный сын – все это благодаря тебе. Твоей мудрости, твоему терпению, твоей любви.

Он говорил, и его голос, чуть дрогнувший от волнения, проникал мне прямо в сердце. Каждое слово было правдой. Я помнила, как продала бабушкины серьги, чтобы заплатить за первую аренду нашего крошечного офиса. Помнила, как сидела ночами, сводя дебет с кредитом, пока он мотался по встречам. Помнила, как успокаивала его после провалов, говоря: «Ничего, прорвемся». Мы были командой. Монолитом.

Я смотрела на него, и мир сузился до его фигуры, до блеска в его глазах, направленного только на меня.

– Прошло двадцать пять лет, а я смотрю на тебя и люблю

тебя так же сильно, как в тот день, когда впервые увидел. Может, даже сильнее. Я не знаю, что такое ставка в казино, но если бы мне пришлось ставить на что-то в этой жизни, я бы поставил на тебя. Снова, и снова, и снова. За тебя, моя любимая жена! За нас!

Комната взорвалась аплодисментами. Кто-то крикнул «Горько!». Я, смахивая непрошеную слезу, подошла к мужу, и он поцеловал меня – нежно, глубоко, как умел только он. В этот момент я была абсолютно, безоговорочно счастлива. Это был пик моей жизни, вершина, с которой открывался вид на бесконечное, безоблачное будущее.

Именно в этот момент ко мне подошла наша домработница Лида, полная, обычно невозмутимая женщина. Сейчас на ее лице была откровенная паника.

– Марина Витальевна, простите, пожалуйста, – прошептала она, стараясь, чтобы никто не услышал. – Там… там к Виктору Павловичу пришли. Я говорила, что он занят, но… она не уходит.

Легкое раздражение коснулось меня. Какой-то не вовремя приехавший курьер или настырный подрядчик?

– Кто она, Лида? – спросила я так же тихо.

– Я не знаю. Женщина… с ребенком.

Пузырьки шампанского в моей крови внезапно замерли, превратившись в ледяные иглы. Ребенок? Что за ерунда?

– Где они? – мой голос прозвучал спокойнее, чем я ожидала. – В холле. Марина Витальевна, там девочка…

Но Лида недоговорила. Я уже шла к выходу из гостиной, на ходу бросив Виктору: «Я сейчас». Он непонимающе нахмурился, но последовал за мной. Алексей, увидев наши встревоженные лица, тоже поспешил за нами следом.

Холл показался мне другим – не таким теплым и гостеприимным, как полчаса назад. Огромное зеркало в тяжелой раме отражало растерянную троицу – меня, моего мужа и моего сына. А у самой входной двери стояли те, кто нарушил наш праздник.

Женщина была пожилой, за шестьдесят. Одета бедно, но чисто: простое драповое пальто не по сезону, стоптанные ботинки, платок на голове. Но ее лицо… опухшее от слез, с глубокими бороздами горя у рта, оно излучало такую вселенскую скорбь, что мне стало не по себе. Рядом с ней, вцепившись в подол ее пальто, стояла маленькая девочка лет пяти в розовой курточке. Она испуганно смотрела на нас огромными, серьезными глазами… серыми, как грозовое небо… глазами Виктора.

Люстра над головой внезапно поплыла, превращаясь в размытое, слепящее пятно. Голоса гостей за спиной стали далеким, нереальным гулом, словно доносились из-под воды. А чужой, дребезжащий от горя женский голос резал тишину холла, и каждое слово было осколком, впивающимся в меня.

«… Дочери моей больше нет… А это Анечка. Дочка ее. И твоя, Виктор, не отпирайся. Пять лет ей…»

Я отчаянно, как утопающий, цеплялась взглядом за мужа. Молила его без слов: рассмейся, скажи, что это ошибка, прогони этих людей! Но он не смотрел на меня. Его лицо стало пепельным, чужим. Он смотрел на девочку. На свою дочь.

Я перевела взгляд на сына, ища в нем поддержку. И мой мир не просто рухнул – он взорвался, обратившись в пепел.

Алексей не был удивлен. Он стоял, бледный как полотно, и смотрел в пол. Он знал.

Это было страшнее измены. Предательство мужа ранит. Но молчание сына… это яд, который отравляет каждую прожитую секунду, каждое воспоминание, каждое «люблю, мам». Он смотрел мне в глаза и лгал. Он был соучастником в уничтожении моей жизни.

Боль скрутила внутренности в раскаленный узел. Мир не просто качнулся – он раскололся надвое, на ослепительное «до» и непроглядное, выжженное «после». И я стояла ровно посередине этого разлома, не в силах ни закричать, ни упасть. Я просто перестала существовать.

– Что вам нужно? – голос Виктора прозвучал резко, в нем слышались стальные нотки, которые появлялись, когда он был зол или напуган.

– Не подниму я внучку. Здоровья совсем нет, да и на что ее кормить, если родной отец забыл? Вот, привезла. Забирай. Твоя кровь. – Пожилая женщина, казалось, выполнив свою миссию, подтолкнула девочку вперед. – Иди, Анечка, это твой папа.

Девочка заплакала, тихо, беззвучно, цепляясь за бабушку.

– Я не хочу… Бабушка, поехали домой…

Но женщина с каким-то странным, почти сочувственным выражением посмотрела на меня, стоявшую прямой и недвижной, как статуя.

– Жаль тебя, баба ты, видать, хорошая, – сказала она неожиданно тихо, почти по-свойски. – Только не одна моя Аленка у него была. Сосед мой за ним проследил, пока адрес ваш искали. У него пассия новая, дочка какого-то шишки. Вся из себя. Поди, и ребеночка еще одного заделал. С них станется.

Сказав это, она мягко отцепила от себя руки внучки, повернулась и, не оглядываясь, открыла тяжелую входную дверь и шагнула в темноту. Дверь захлопнулась с глухим стуком, отрезавшим путь назад.

В холле воцарилась тишина. Мертвая, вязкая. Ее нарушал только тихий плач маленькой, никому не нужной девочки в розовой курточке.

Виктор, наконец, нашел голос.

– Марина, я… я все объясню… Это ошибка…

Алексей поднял на меня глаза, полные мольбы и отчаяния.

– Мама, я хотел рассказать… Я не знал, как…

Но я их не слышала. Внутри меня что-то оборвалось. Та тонкая струна, что двадцать пять лет играла мелодию любви и доверия, лопнула с оглушительным звоном, который

слышала только я. Боль была физической, она скрутила мои внутренности в тугой, раскаленный узел. Мне хотелось закричать, бить посуду, вцепиться в лицо мужу, сыну…

Вместо этого я сделала шаг к плачущей девочке. Присела на корточки, заглянула в ее заплаканные, испуганные серые глаза.

– Как тебя зовут? – мой собственный голос прозвучал чужим, на удивление спокойным.

– Аня… – прошептала девочка.

Я через силу заставила свои губы растянуться в подобие улыбки.

– Не бойся, Аня. Тебя никто здесь не обидит.

Я встала и повернулась к застывшей в дверях Лиде.

– Лида, пожалуйста, отведите Аню в гостевую спальню на втором этаже. Покорми, согрейте ей молока с медом и включите мультики.

Потом я обернулась к мужу и сыну. На моем лице не дрогнул ни один мускул. Мой взгляд был пуст, как выжженная земля.

– Праздник продолжается, – сказала я тихо, но так, что каждое слово резануло по нервам.

И я, расправив плечи, с идеальной осанкой и вежливой улыбкой на лице, вернулась в гостиную, где все еще играла музыка и смеялись люди, не подозревающие, что мой мир только что сгорел дотла. Я взяла с подноса свежий бокал шампанского, подняла его, встречаясь взглядом с мужем, за-

стывшим в дверях холла, и сделала большой глоток.

Пузырьки больше не казались искорками счастья. Теперь они были осколками разбитого вдребезги серебра.

Глава 2

Возвращение в гостиную было похоже на погружение под воду. Звуки – смех, звон бокалов, обрывки фраз – доносились до меня глухо, искаженно, словно сквозь плотную толщу воды. Я двигалась сквозь толпу гостей, как автомат, моя рука уверенно держала бокал, губы растягивались в улыбке, когда кто-то обращался ко мне, я даже отвечала что-то невпопад, и, кажется, никто ничего не замечал. Я была идеальной хозяйкой идеального вечера в идеальном доме. Идеальной лгуньей.

Внутри меня все было выжжено дотла. Там, где еще десять минут назад цвело пьянящее счастье, теперь был только пепел и едкий дым предательства. Каждое движение давалось с нечеловеческим усилием. Мне казалось, что если я остановлюсь, то просто рассыплюсь на миллионы осколков, прямо здесь, на этом безупречном паркете, среди счастливых, ничего не подозревающих людей.

Я чувствовала на себе их взгляды. Два взгляда, которые сверлили мне спину. Один – испуганный, умоляющий, принадлежал моему мужу. Другой – полный отчаяния и вины, принадлежал моему сыну. Они стояли у входа в гостиную, бледные, растерянные, два соучастника, чей заговор только что был вскрыт. И сейчас я ненавидела их обоих с одинаковой ледяной силой.

Виктор попытался подойти ко мне, но я метнула в него такой взгляд, что он замер на полпути. Не здесь. Не сейчас. Это представление я доиграю до конца. Это был мой дом, мой праздник, мой юбилей. И я не позволю им отобрать у меня еще и это – мое достоинство.

Оставшийся час превратился в пытку. Я подливала гостям вино, смеялась их шуткам, расспрашивала про детей и отпуск. Мой мозг работал с лихорадочной четкостью, фиксируя каждую деталь. Вот университетская подруга Лена рассказывает про нового ухажера, а я думаю: «Она хоть знает, что спит с предателем?». Вот старый друг семьи, наш крестный отец в бизнесе, поднимает тост за нашу «нерушимую семью», а я мысленно смеюсь ему в лицо. Нерушимую? Он даже не представляет, что от нашей семьи остались одни руины.

А в голове безостановочно крутились слова той женщины. «Пневмония… сгорела за неделю». «Деньги слал поначалу, а полгода назад перестал». «У него пассия новая, дочка какого-то шишки». Фразы складывались в узор, отвратительный и ясный. Значит, он знал. Знал о дочери. Посылал деньги, играя в благородство на расстоянии. А потом перестал. Почему? Потому что «новая пассия» не одобрила бы такой статьи расходов?

И Лешка… мой мальчик. Он тоже знал. Как давно? Год? Два? Все это время он жил с этой тайной. Он завтракал со мной, обсуждал свои планы, просил совета, зная, что его

отец – лжец, а его мать – обманутая дура. Каждое наше воспоминание за последние годы теперь было отравлено. Каждый его теплый взгляд, каждое «люблю, мам», казалось, теперь частью чудовищного спектакля.

Наконец, гости начали прощаться. Каждое рукопожатие, каждое объятие было для меня испытанием.

– Мариночка, вы с Виктором – пример для всех! – щебетала жена партнера, целуя меня в щеку. Я улыбалась.

– Спасибо, дорогая. Стараемся.

Последним уходил крестный. Он задержался в дверях.

– Что-то случилось, Марина? Ты сама не своя.

– Просто устала, Валерий Игнатьевич. Хлопоты, знаете ли.

Он посмотрел на меня внимательно, потом на Виктора, стоявшего поодаль.

– Если что, ты знаешь мой номер. Звони в любое время.

Это было сказано не просто так. Он что-то почувствовал. Я лишь кивнула, не в силах выдавить из себя ни слова благодарности.

И вот, наконец, дверь закрылась за последним гостем. Щелчок замка прозвучал в оглушительной тишине, как выстрел. Представление окончено.

Я стояла спиной к ним, к мужу и сыну, и смотрела на отражение в темном стекле панорамного окна. Там, в глубине, стояла чужая женщина. Уставшая, с жесткой складкой у губ и пустыми, ледяными глазами. Я не узнавала ее.

– Марина… – голос Виктора прозвучал в тишине неуверенно, жалко.

Я медленно обернулась. Моя улыбка исчезла, словно ее стерли ластиком. На ее месте осталась лишь маска холодной ярости.

– Не смей произносить мое имя.

Он сделал шаг ко мне.

– Послушай, я все могу объяснить. Это не то, что ты думаешь…

– А что я думаю, Виктор? – мой голос был тихим, но в нем звенел металл. – Что ты пять лет мне врал? Что у тебя была другая женщина? Что у тебя от нее ребенок, о котором ты знал? Что ты полгода назад бросил этого ребенка на произвол судьбы, перестав слать деньги? Или, может, я думаю о том, что у тебя уже новая пассия, дочка «какого-то шишки»? Что из этого «не то»?

Он отшатнулся, как от удара. Его лицо вытянулось.

– Эта ненормальная… Она наговорила глупостей!

– Глупостей? – я позволила себе усмехнуться. Усмешка получилась уродливой. – Девочка в гостевой спальне – это тоже глупость? Ее глаза – тоже глупость?

– Это было давно! Ошибка! Я сам не знал, что делать, я боялся тебя потерять! – он перешел на заученные фразы любого провинившегося мужа. Банальные, лживые, пустые.

– Потерять? – я медленно пошла на него. – Ты не боялся меня потерять, когда спал с другой женщиной. Ты не боялся

меня потерять, когда отправлял ей деньги из нашего семейного бюджета. Ты боялся потерять свой комфорт. Свой уютный, идеально устроенный мир, где есть верная жена-партнер, дом – полная чаша, и маленькие грязные секреты на стороне.

Я остановилась в шаге от него.

– Вон, – сказала я тихо.

– Что?

– Я сказала: вон. Вон из моего дома.

– Ты не можешь меня выгнать! Это и мой дом тоже!

– Этот дом, как и все, что у нас есть, построен на моем доверии. Ты его разрушил. А значит, у тебя здесь больше ничего нет. Собирай вещи и убирайся.

Он задохнулся от возмущения.

– Я никуда не пойду! Ты истеричка! Ты все рушишь!

– Я? – мой голос сорвался на ледяной шепот. – Это ты все разрушил, Виктор. В тот момент, когда решил, что имеешь право на ложь. А теперь убирайся, пока я не вызвала охрану.

Он посмотрел на меня с ненавистью. В его взгляде больше не было ни любви, ни раскаяния, только злость проигравшего игрока. Он развернулся и пошел к лестнице.

И тут заговорил Алексей. Он стоял все это время, не в силах пошевелиться, белый, как стена.

– Мама, пожалуйста… не надо…

Я повернулась к нему. И вся та боль, которую я сдерживала, весь тот ужас, что я пережила за последний час, скон-

центрировались в моем взгляде.

– Ты… – прошептала я. – Как ты мог?

– Мам, я не знал, что делать! – в его глазах блеснули слезы. – Я узнал случайно, год назад. Увидел перевод в его телефоне, спросил… Он все рассказал. Он умолял молчать. Говорил, что правда тебя убьет… Что он сам все решит… Я боялся…

– Боялся, – повторила я за ним, и в моем голосе не было ни капли сочувствия. – Ты боялся. А мне смотреть в глаза не боялся? Обнимать меня, зная, что я живу во лжи, не боялся? Твой отец предал наш брак. А ты, Леша… ты предал меня.

– Мама, это не так! Я люблю тебя!

– Любишь? – я горько рассмеялась. – Разве так поступают, когда любят? Любовь – это правда, Алексей. Это доверие. А ты выбрал ложь. Ты стал его соучастником. Ты смотрел, как он произносил сегодня этот тост, и молчал. Ты слушал, как он говорил о моей мудрости и терпении, зная, что он превратил меня в посмешище. В слепую идиотку!

Я больше не могла сдерживаться. Слезы хлынули из моих глаз – горячие, злые слезы бессилия и унижения.

– Уйди, – прошептала я, отворачиваясь. – Я не хочу тебя видеть.

Виктор уже спускался по лестнице с небольшой спортивной сумкой. Он бросил на меня и сына презрительный взгляд.

– Ну что, довольна? Разрушила семью за один вечер. По-

здравляю, Марина. Можешь гордиться собой.

Он прошел мимо меня, от него пахло дорогим парфюмом и ложью. У самой двери он остановился.

– А с девчонкой сама разбирайся, нечего было ее здесь оставлять.

Дверь за ним захлопнулась. Алексей стоял, опустив голову.

– И ты уходи, – сказала я в пустоту. – Езжай в свою квартиру. Мне нужно побыть одной.

Он поднял на меня взгляд, полный боли.

– Мама…

– Уходи. Пожалуйста.

Он медленно, как старик, побрел к выходу. Дверь снова открылась и закрылась, на этот раз тихо, виновато.

И я осталась одна.

В огромном, гулком, пахнущем чужими духами и увядающими цветами доме. В центре руин моей идеальной жизни. Я медленно опустилась на диван. Сил не было даже плакать. Внутри была пустота. Холодная, звенящая пустота.

Где-то наверху, в гостевой спальне, спала девочка с глазами моего мужа. Моего бывшего мужа. Живое напоминание о том, что вся моя жизнь, все мои двадцать пять лет были построены на лжи.

Я сидела в темноте, не зажигая света. Праздник кончился…

Глава 3

Время остановилось. Или, может быть, оно просто утекло из дома вместе с последним гостем, оставив после себя вакуум. Я сидела на диване в гостиной, погруженной во мрак, и не двигалась. Я боялась пошевелиться, боясь, что хрупкая оболочка, которая все еще удерживала меня в рамках моего собственного тела, треснет, и я рассыплюсь на части, которые уже никто и никогда не сможет собрать.

Тишина. Она была не просто отсутствием звука. Она была густой, осязаемой, как пыль в заброшенном доме. Она давила на барабанные перепонки, заползала в легкие, пахла увядшими цветами в вазах, недопитым шампанским и чужими духами – призраками праздника, который превратился в поминки по моей жизни.

Я не плакала. Слезы, кажется, выжгли что-то внутри меня, оставив после себя лишь сухую, саднящую пустоту. Я просто смотрела в темноту, а перед глазами, как навязчивые кадры из плохого кино, снова и снова прокручивались сцены последних часов: лицо Виктора во время тоста; испуганные серые глаза маленькой девочки; и самое страшное – отведенный в сторону, виноватый взгляд моего сына.

Предательство мужа было ножом в спину. Глубоким, смертельным ударом. Но предательство сына… это было нечто иное. Он не просто вонзил нож, он провернул его в ра-

не. Он был частью меня, моей плотью и кровью. Все эти годы я думала, что между нами нет секретов, что наша связь – это та единственная константа, которая не изменится никогда. Оказалось, это была еще одна иллюзия. Он выбрал отца. Выбрал ложь. А значит, он вычеркнул меня из своего мира задолго до того, как я узнала правду. Эта мысль причиняла боль, несравнимую ни с чем. Физическую, почти невыносимую.

Не знаю, сколько я так просидела. Час. Два. Ноги затекли, холод пробрался под тонкую ткань платья. Надо было что-то делать. Встать. Включить свет. Жить дальше. Но как?

Я заставила себя подняться. Ноги не слушались, были ватными, чужими. Я пошла по дому, как призрак, натыкаясь на мебель, оставленную в беспорядке после вечеринки. Каждый предмет кричал о той жизни, которой больше не было. Вот кресло, в котором любил сидеть Виктор, просматривая вечерние новости. Я обошла его, как чумное. Вот на журнальном столике лежит книга, которую читал Алексей, – какой-то модный бизнес-роман. Я смахнула ее на пол. Книга упала с глухим стуком, и этот звук показался мне единственным реальным событием за последние часы.

Я поднялась на второй этаж. Наша спальня. Я толкнула дверь и замерла на пороге. Воздух был пропитан его запахом – терпкий, дорогой парфюм, который я сама подарила ему на прошлый день рождения. На кровати, с моей стороны, лежал его свитер, небрежно брошенный. Я подошла и взяла его в

руки. Мягкий кашемир, все еще хранивший тепло его тела. Я поднесла его к лицу и вдохнула. А потом меня накрыло.

Ярость. Черная, слепая, всепоглощающая. Я швырнула этот свитер на пол. Сгребла с его прикроватной тумбочки все, что там стояло, – часы, запонки, фотографию в серебряной рамке. Нашу свадебную фотографию. Мы, двадцатилетние, смеющиеся, ослепленные любовью и солнцем. Я смотрела на свое счастливое, наивное лицо, и мне хотелось кричать той девчонке: «Беги! Беги от него, дура! Он сломает тебе жизнь!».

Стекло рамки треснуло, когда я с силой ударила ее о край тумбочки. Осколки посыпались на ковер. Я смотрела на них, тяжело дыша. А затем вышла из спальни и плотно закрыла за собой дверь, словно запечатывая прошлое. Проходя по коридору, я остановилась у двери в гостевую комнату. Там, за этой дверью, спал корень всего этого кошмара. Живое доказательство лжи.

Часть меня хотела развернуться и уйти. Сделать вид, что этой комнаты, этой девочки не существует. Но другая часть, та, что всегда брала на себя ответственность, заставила меня повернуть ручку.

Я вошла тихо, на цыпочках. В комнате горел ночник, отбрасывая на стены причудливые тени. Девочка спала, свернувшись калачиком на огромной кровати. Лида, добрая душа, нашла для нее одну из старых пижам Алексея, и в ней Аня казалась совсем крошечной, потерянной. Рядом с ней

лежал плюшевый мишка, которого я не видела много лет. Наверное, тоже из запасов моего сына.

Я подошла ближе. В неверном свете ночника я могла рассмотреть ее лицо. Она больше не плакала. Длинные ресницы чуть подрагивали во сне. Пухлые губы были полуоткрыты. И в этих чертах, в изгибе бровей, в линии подбородка так отчетливо, так безжалостно проступал Виктор. Мой муж. Ее отец.

Я смотрела на нее, и во мне боролись два чувства. Первое – глухая, иррациональная ненависть. Это она, ее существование, разрушило мой мир. Она была символом предательства, живым укором моей глупости. Но потом я увидела на ее щеке влажную дорожку от слезы, высохшей, но все еще заметной. И второе чувство, непрошеное, слабое, похожее на жалость, шевельнулось во мне. Она ведь тоже была жертвой. Брошенная матерью, которую она потеряла. Брошенная отцом, который испугался ответственности. Привезенная в чужой дом к чужой, страшной тетке.

Я протянула руку и поправила одеяло, которое сползло с ее плеча. Мои пальцы случайно коснулись ее щеки. Кожа была теплой, бархатистой. Девочка что-то пробормотала во сне и отвернулась.

Я вышла из комнаты и тихо прикрыла дверь.

Спать я не ложилась. Переодевшись в старый спортивный костюм, я спустилась вниз, я отослала Лиду и двух вызванных на праздник помощниц и принялась за работу. Я начала

убирать. Методично, яростно, я собирала грязные бокалы, тарелки, салфетки. Я терла пятна от вина на столешнице, отмывала пол на кухне. Физический труд помогал приглушить боль, давал выход той разрушительной энергии, что кипела во мне. Я отмывала свой дом от следов чужого веселья, от следов моей прошлой, лживой жизни. К утру гостиная сияла чистотой, но от этого казалась еще более пустой и безжизненной.

Когда первые лучи осеннего солнца пробились сквозь жалюзи, я сидела за кухонным столом с чашкой черного кофе. Я не спала ни минуты. Усталости не было. Была только холодная, звенящая ясность в голове.

В семь утра пришла Лида. Она вошла тихо, виновато, и замерла на пороге кухни, увидев идеальный порядок и меня, сидящую за столом.

– Марина Витальевна… – начала она. – Я…

– Все в порядке, Лида, – перебила я ее. Мой голос звучал ровно, без эмоций. – Спасибо, что позаботились вчера о девочке.

– Да что вы… Она поела немного и сразу уснула. Испуганная такая…

Лида замолчала, не зная, что еще сказать.

– Приготовьте, пожалуйста, завтрак. На троих. Омлет и кашу. Девочка, наверное, скоро проснется.

– На троих? – удивленно переспросила она. – Да. Я, она и Алексей. Он скоро приедет.

Я солгала. Я не знала, приедет ли Алексей, и не хотела его видеть. Но я должна была поддерживать видимость нормальной жизни. Хотя бы перед Лидой.

Она кивнула и принялась греметь посудой. А я поднялась в свой кабинет. Это было мое святилище. Единственное место в доме, где я всегда чувствовала себя хозяйкой положения. Книжные стеллажи до потолка, массивный дубовый стол, современный компьютер. Здесь я работала наравне с Виктором первые десять лет, пока не решила отойти от дел и посвятить себя сыну и дому. Виктор тогда говорил, что я мозг компании, а он ее мускулы. Кажется, со временем он забыл, кто был мозгом.

Я села в свое кресло. Оно привычно скрипнуло. Я посмотрела на себя в темный экран монитора. Чужая женщина с усталыми глазами и жестко сжатыми губами смотрела на меня в ответ.

«Ну, здравствуй, – мысленно сказала я ей. – Похоже, теперь нам придется познакомиться поближе».

Я включила компьютер. И сделала первый звонок. Моему адвокату. Не тому, что занимался нашими мелкими семейными делами, а лучшему специалисту по корпоративному праву в городе, с которым мы работали на заре нашего бизнеса.

– Игорь Борисович, здравствуйте. Это Марина Орлова.

– Марина? Рад слышать. Сто лет… Что-то случилось? – его бодрый голос резанул по ушам.

– Случилось, – отрезала я. – Я подаю на развод.

На том конце провода повисла пауза.

– Я… сочувствую, Марина.

– Сочувствие потом. Сейчас мне нужно действие. Мне нужно немедленно инициировать арест всех наших совместных счетов и активов. Всех. Включая зарубежные.

– Марина, ты понимаешь, что это парализует работу компании?

– Я понимаю, что это единственный способ помешать моему мужу вывести из компании деньги. Интуиция подсказывает мне, что ситуация более чем серьезная, Игорь. Я приеду к вам сегодня в обед со всеми документами, которые смогу найти.

– Хорошо, – его голос стал серьезным, деловым. – Жду тебя в два.

Я положила трубку. Первый шаг сделан. Руки слегка дрожали. Я сделала второй звонок. В Москву.

– Алло, – ответил сонный мужской голос.

– Андрей, привет. Это Марина. Орлова. Я тебя разбудила?

– Марина? – на том конце провода мгновенно проснулись. – Боже, какой сюрприз. Нет, конечно, не разбудила. Что стряслось? У тебя такой голос…

Мы нечасто общались, раз в год на праздники, но он всегда умел слышать то, что было между строк.

– У меня беда, Андрей. Большая.

– Рассказывай.

И я рассказала. Кратко, сухо, без эмоций. Только факты: измена, внебрачный ребенок, новая любовница – дочь какого-то влиятельного человека и наверняка проблемы с деньгами в компании.

– Мне кажется, в компании проблемы. Полгода назад он прекратил давать деньги для дочери. И эта новая любовница – «дочь какой-то шишки», он не стал бы связываться с такой, я знаю.

Андрей слушал молча. Когда я закончила, он тоже помолчал с минуту.

– Я всегда говорил, что Виктор без тебя – ноль, – наконец произнес он. В его голосе не было сочувствия, была злая, дружеская поддержка. – Но я не думал, что он такой идиот. Так, слушай меня внимательно. Ничего не подписывай. Вообще ничего. Я отправлю к тебе моих лучших аудиторов и двух человек из службы безопасности. Они перероют всю вашу контору до последнего винтика. Мы найдем все, что он спрятал, Марина. Я тебе обещаю.

– Андрей, я не знаю, как тебя благодарить…

– Перестать. Ты мне когда-то полкурса по высшей математике написала. Считай, возвращаю долг. Держись, Орлова. И помни, кто ты есть.

Я положила трубку, и впервые за эти бесконечные сутки почувствовала что-то, похожее на облегчение. Нет. Я не одна.

Я встала и подошла к окну. Утреннее солнце заливало сад.

Мир продолжал жить своей жизнью. Он не заметил, как одна маленькая вселенная рухнула.

Где-то наверху послышался тонкий детский голосок. Аня проснулась.

Этот звук больше не причинял мне острой боли. Теперь это был просто факт. Первая из многих проблем, которую предстояло решить. Я сделала глубокий вдох, выпрямила спину и пошла вниз. Навстречу своей новой жизни.

Глава 4

Спустившись вниз, я как будто попала в другую реальность. Кухня была залита утренним солнцем, пахло свежесваренным кофе и овсяной кашей. Лида, наша экономка, суетилась у плиты, делая вид, что ничего не произошло. Она работала у нас почти десять лет и была мастером по созданию иллюзии нормальной жизни, даже когда мир рушился. Но сегодня ее движения были слишком резкими, спина слишком прямой. Она тоже чувствовала напряжение, витавшее в воздухе.

За столом, на барном стуле, который достали из кладовки, сидела Аня. Она была одета в какой-то старый Лешкин свитер, который был ей безнадежно велик. Рукава, закатанные в несколько раз, все равно закрывали ей ладошки. Перед ней стояла тарелка с кашей, к которой она не притронулась. Девочка смотрела в одну точку огромными серыми глазами, и в них стоял такой вселенский ужас и одиночество, что у меня на мгновение перехватило дыхание.

Она услышала мои шаги и вздрогнула, вжавшись в спинку стула. Я была для нее монстром. Чужой, страшной женщиной.

– Доброе утро, – мой голос прозвучал хрипло и чужеродно в этой солнечной кухне.

Аня не ответила. Только еще ниже опустила голову.

– Марина Витальевна, вам кофе? – торопливо спросила Лида, спасая неловкую паузу.

– Да, Лида. Черный. Без сахара.

Я села за стол напротив девочки. Между нами было метра полтора пространства, но ощущалось оно как пропасть. Я смотрела на нее, а видела его. Каждая черточка ее лица была как пощечина.

Что мне с ней делать? Самым логичным было бы найти эту женщину, всучить ей пачку денег и вернуть внучку. Забыть, как страшный сон. Но перед глазами тут же встала картина вчерашнего вечера: как она уходила по нашему холлу, сгорбленная, старая. Как неестественно висела ее правая рука, плетью, словно чужая. И как она заметно подволакивала правую ногу, с трудом переставляя ее по гладкому мрамору. Нет. Та женщина не лгала. Она действительно не сможет поднять этого ребенка. Она сама едва держится на ногах.

– Почему ты не ешь? – спросила я ровным тоном. – Не вкусно?

Она отрицательно помотала головой.

– А что?

Она молчала, ее нижняя губа дрожала. Потом прошептала так тихо, что я едва расслышала:

– К маме…

У меня что-то оборвалось внутри.

– Мамы больше нет, милая, – сказала я так мягко, как только смогла в своем состоянии.

Крупные слезы покатились по ее щекам, падая прямо в тарелку с кашей.

– К бабушке… хочу к бабушке, – пролепетала она сквозь плач.

Вот оно. Единственный якорь, оставшийся в ее разрушенном мире.

– Мы обязательно навестим твою бабушку, – сказала я, сама удивляясь своему тону. – Я тебе обещаю. А сейчас нужно поесть. Чтобы были силы. Хорошо?

Она подняла на меня заплаканные глаза. В них было недоверие, но и крошечная искорка надежды. Она медленно кивнула.

Слово сработало. Она взяла ложку и неуверенно зачерпнула кашу.

Я пила свой горький кофе и наблюдала за ней. Виктор бросил ее мне, как гранату с выдернутой чекой. «Разбирайся сама».

В этот момент зазвонил домофон. Я вздрогнула. Неужели Алексей? Так быстро?

– Я открою, – сказала я Лиде и пошла в холл.

На экране я увидела его. Виктор. Он стоял, идеально одетый в дорогой деловой костюм, причесанный, уверенный. Словно и не было вчерашнего позорного бегства. Но он был не один. Рядом с ним стоял незнакомый мне мужчина. Лет сорока пяти, с холодным, ничего не выражающим лицом и в таком же безупречном костюме. В руке он держал тонкий

кожаный портфель. Адвокат.

У меня все похолодело внутри. Я поняла. Он приехал не просить прощения. Он приехал нападать.

– Открыть? – спросила я у пустоты и нажала кнопку.

Я встретила их у порога. Я все еще была в старом спортивном костюме, без макияжа, с собранными в небрежный пучок волосами. На их фоне я выглядела как бедная родственница. Возможно, на это и был расчет.

– Здравствуй, Марина, – сказал Виктор. В его голосе не было ни тепла, ни вины. Только деловой тон. – Познакомься, это мой юрист, Вадим Сергеевич. Нам нужно поговорить.

– Проходите, – бросила я и повела их не в уютную семейную гостиную, а в большой, холодный кабинет на первом этаже, где мы редко бывали и принимали только деловых партнеров.

Я села за массивный дубовый стол, демонстративно занимая позицию хозяйки. Они сели напротив. Адвокат положил на стол свой портфель, но открывать не спешил.

– Я, пожалуй, сразу к делу, – начал Виктор, избегая смотреть мне в глаза. – Наша компания, Марина, в очень тяжелом положении. Катастрофическом, я бы сказал.

Я молчала, глядя на него в упор.

– Ряд неудачных инвестиций, нестабильность на рынке… В общем, мы на грани банкротства. Полного. Мы можем потерять все.

Он говорил заученными фразами, и фальшь в его голосе

была почти осязаемой. Он не был похож на человека, потерявшего дело всей жизни. Он был похож на актера, плохо играющего свою роль.

– И что ты предлагаешь? – спросила я, когда он сделал паузу.

Тут в разговор вступил адвокат. Его голос был таким же бесцветным, как и его лицо.

– Марина Витальевна, ситуация требует немедленных и решительных действий. Чтобы спасти активы, необходимо провести срочную реструктуризацию. Виктор Андреевич нашел потенциальных инвесторов, готовых вложиться в компанию, но при одном условии – им нужен полный контроль и гарантии. Это означает, что все акции должны быть консолидированы в одних руках. В руках Виктора Андреевича.

Он говорил медленно, отчеканивая каждое слово. Я смотрела на него, а видела перед собой хирурга, который с ледяным спокойствием объясняет пациенту, что ему нужно ампутировать ногу, чтобы спасти жизнь.

– Другими словами, вы хотите, чтобы я подарила свою долю в компании? – уточнила я.

– Это не подарок, – поправил меня Виктор, снова вступая в игру. – Это вынужденная мера. Формальность. Чтобы я мог действовать быстро, не собирая каждый раз совет директоров. Как только мы выйдем из кризиса, я…

– Что ты? – я смотрела ему прямо в глаза. – Вернешь мне все?

Он замялся.

– Марина, давай будем реалистами. Прошлой жизни уже не будет. Но я не оставлю тебя ни с чем. Я готов подписать соглашение, по которому тебе будет выплачена щедрая компенсация. За твои двадцать пять лет… э-э-э… в браке. Ты сможешь безбедно жить, заниматься своим цветочным бизнесом…

Так вот оно что. Он даже не пытался врать. Он пришел купить у меня свободу. Купить мое прошлое, мое настоящее и мое будущее. И цена, которую он предлагал, была моя доля в компании, которую мы строили вместе. Которую, как я теперь понимала, придумала и выстроила в основном я.

– Ты все просчитал, – сказала я тихо.

– Я пытаюсь спасти то, что осталось! – он начал раздражаться от моего спокойствия. – Ты сидишь здесь, в этом доме, и не понимаешь, что мы в шаге от пропасти! Я не сплю ночами, ищу выходы, а ты…

В этот момент дверь кабинета открылась, и вошел Алексей. Он, видимо, решил все-таки приехать, проверить, жива ли я. Он замер на пороге, увидев отца и незнакомого мужчину.

– Леша? Что ты здесь делаешь? – тон Виктора стал резким, недовольным.

– Я к маме приехал, – ответил Алексей, и его взгляд метнулся от отца ко мне. – Что здесь происходит?

– Не твое дело. Это разговор взрослых, – отрезал Вик-

тор. – Выйди.

Но Алексей не вышел. Он подошел и встал за моим креслом, положив мне руки на плечи. Это был инстинктивный, защитный жест.

– Я останусь, – сказал он твердо.

Лицо Виктора исказилось от злости. Присутствие сына рушило его план. Он рассчитывал на мой страх, на мою растерянность, на то, что я одна, сломлена и подавлена.

Адвокат кашлянул, возвращая нас к теме разговора.

– Так что, Марина Витальевна? Вот документы. – Он, наконец, открыл портфель и положил передо мной аккуратную стопку бумаг. – Вы можете ознакомиться. Все абсолютно прозрачно.

Я даже не посмотрела на них. Я смотрела на своего мужа. На человека, с которым прожила двадцать пять лет. Я видела его насквозь. Его страх, его жадность, его расчет. Он уже списал меня со счетов. Он уже мысленно делил мою долю, примеряя на себя роль единоличного владельца империи, которую он получит вместе с молодой женой из влиятельной семьи.

– Марина, давай закончим это цивилизованно, – сказал он ту самую фразу, которую я ждала. – Нам обоим пора двигаться дальше.

Двигаться дальше. Вот так просто. Перевернуть страницу, на которой были написаны двадцать пять лет моей жизни, моей любви, моей преданности.

Я медленно отодвинула от себя стопку бумаг. Потом подняла глаза на Виктора. Внутри меня больше не было боли. Только холодный, как сталь, гнев. И презрение.

– Нет, – сказала я.

Он не понял.

– Что «нет»? Ты не хочешь знакомиться с документами? Мой юрист может все объяснить…

– Нет, Виктор, – повторила я, и мой голос прозвучал в тишине кабинета громко и четко. – Я ничего подписывать не буду.

Наступила тишина. Адвокат замер с непроницаемым лицом. А Виктор… он смотрел на меня так, словно я заговорила на незнакомом языке. Он не верил своим ушам. Он был абсолютно уверен в моей покорности. В том, что я, домашняя женщина, отошедшая от дел, испугаюсь и сдамся.

– Ты… что? – переспросил он. – Ты прекрасно меня слышал. Мой ответ – нет. Это моя компания в той же степени, что и твоя. И я не позволю тебе ее у меня забрать.

Маска цивилизованности слетела с его лица мгновенно.

– Ты сумасшедшая! – зашипел он. – Ты хоть понимаешь, что ты делаешь? Ты потопишь нас всех! Ты останешься ни с чем! Бомжихой на улице!

– Посмотрим, – я пожала плечами.

– Я засужу тебя! Я докажу, что ты десять лет не имела к компании никакого отношения! – кричал он, вскочив на ноги.

– Попробуй, – я тоже встала. Рука Алексея на моем плече сжалась, давая мне силы. – А я докажу, что ты последние полгода намеренно выводил активы и вел компанию к банкротству. Думаю, у меня найдется больше доказательств.

– Ты пожалеешь об этом, Марина, – прошипел муж. – Клянусь, ты горько об этом пожалеешь.

Он резко развернулся и, чуть не сбив с ног своего адвоката, вылетел из кабинета. Через мгновение хлопнула входная дверь.

Адвокат медленно, не торопясь, собрал свои бумаги в портфель, защелкнул замки и, кивнув мне, вышел следом.

Мы с Алексеем остались одни. Тишина была оглушительной. Он все еще держал руки на моих плечах.

Глава 5

Когда за последним из ушедших, адвокатом, закрылась входная дверь, звук щелкнувшего замка прозвучал в оглушительной тишине кабинета как выстрел. Я медленно опустилась в кресло. Ноги, до этого бывшие твердыми, как две стальные опоры, вдруг превратились в вату. Адреналин, кипевший в крови и дававший мне силы говорить «нет» и смотреть врагу в глаза, схлынул, оставив после себя звенящую пустоту и ледяной холод.

Алексей все еще стоял за моей спиной. Его руки по-прежнему лежали на моих плечах, но теперь их вес казался почти невыносимым. Я не хотела, чтобы он меня касался. Не сейчас.

– Можешь убрать руки? – попросила я тихо, но мой голос прозвучал резко.

Он тут же отступил на шаг, словно я его ударила. Я услышала, как он шумно сглотнул.

– Мам… – начал он, и в его голосе было столько боли и вины, что мне захотелось закрыть уши. – Я… я не знал, что он приедет. Я просто хотел…

– Что ты хотел, Алексей? – я медленно повернулась в кресле и посмотрела на него. Посмотрела по-настоящему, впервые с той ночи. Мой сын. Высокий, красивый, точная копия меня в его возрасте, только глаза отцовские. Серые.

Как у той девочки. – Хотел проверить, не наложила ли я на себя руки? Не волнуйся. Не дождутся.

Жестоко. Я знала, что это жестоко, но не могла остановиться. Боль, сидевшая внутри, искала выход и находила его в ядовитых словах, адресованных самому близкому человеку, который предал меня.

Он вздрогнул.

– Нет. Я хотел… быть рядом. Я должен был быть рядом раньше. Я знаю.

– Должен был, – подтвердила я бесцветным тоном. – Но тебя не было. Ты был с ним. Вы были заодно.

– Мы не были заодно! – он почти крикнул, сделав шаг ко мне. – Я не знал! Не знал всего этого!

– А что ты знал, Леша? – я встала, чувствуя, как возвращается холодная ярость. – Ты знал, что у твоего отца есть другая женщина. Ты знал, что у меня есть… что у него есть дочь. Ты знал об этом полгода! Полгода ты смотрел мне в глаза, ужинал со мной за одним столом, желал спокойной ночи и лгал. Каждый день. Чего еще ты не знал? Того, что он решил вышвырнуть меня из моей же компании, как собаку? Извини, наверное, до этого пункта в его плане тебя просто не успели допустить.

Он стоял передо мной, опустив голову. Взрослый, двадцатитрехлетний мужчина, похожий на нашкодившего школьника.

– Он говорил, что это ошибка, – прошептал Алексей. –

Говорил, что любит только тебя. Что та женщина… что она сама его преследовала. А когда родилась Аня… он сказал, что это убьет тебя. Что если ты узнаешь, это будет конец. Он просил молчать. Ради тебя. Ради семьи.

– Ради семьи? – я горько усмехнулась. – Посмотри вокруг, Алексей. Где ты видишь семью? Ее больше нет. Он уничтожил ее. А ты ему помог. Своим молчанием.

Я видела, как мои слова причиняют ему боль. И часть меня, темная, израненная часть, получала от этого горькое удовлетворение. Я хотела, чтобы ему было так же больно, как и мне.

– Я знаю, – сказал он тихо, подняв на меня глаза. В них стояли слезы. – Я все понимаю, мам. Я не прошу меня простить. Это невозможно. Я прошу только… позволить мне быть на твоей стороне. Сейчас. Позволить мне помочь. Я виноват. И я хочу исправить хоть что-то.

Он смотрел на меня с такой отчаянной надеждой, что мое сердце, казавшееся куском льда, дрогнуло. Он стоял здесь. Он не убежал. Он встал за моей спиной перед лицом врага. Он сделал свой выбор. С опозданием. Сделав мне невыносимо больно. Но он его сделал.

Я молчала долго. Я боролась сама с собой. С обидой, с гневом, с желанием оттолкнуть его, запереться от всех. Но я смотрела на сына и понимала, что если я оттолкну его сейчас, я потеряю его навсегда. А я уже потеряла слишком много.

– Хорошо, – сказала я наконец. Голос был глухим. – Помоги.

На его лице отразилось такое облегчение, словно я только что спасла его от казни.

– Спасибо, – выдохнул он. – Мам, спасибо. Что мне делать?

– Для начала, – я обвела взглядом кабинет, – мне нужны все документы по компании. Абсолютно все. Договоры, отчеты, черновики. Особенно за последний год. Все, что ты сможешь найти в кабинете отца.

– Я сделаю, – он кивнул, посерьезнев. – Я знаю все его пароли.

– Я так и думала, – не удержалась я от шпильки. – Потом мне нужен будет полный отчет по всем нашим личным счетам. Движение средств за последние два года. Карты, вклады, ячейки.

– Хорошо.

– И еще… – я запнулась. – Узнай адрес той женщины. Бабушки. Мне нужно знать, где они жили.

Он кивнул, ничего не спрашивая. Он понимал, что сейчас не время для вопросов.

– Я все сделаю, – повторил он. – А ты… ты как? Может, тебе нужно отдохнуть? Прилечь?

– Я в порядке, – отрезала я. – Иди. Работы много.

Он постоял еще секунду, словно хотел что-то сказать, но передумал. Развернулся и вышел из кабинета.

Я снова осталась одна. Разговор вымотал меня окончательно. Но он был нужен. Лед между нами не растаял, но он треснул. И сквозь эту трещину пробился тонкий, едва заметный лучик надежды.

Я подошла к окну. Во дворе было тихо. Осень уже вступила в свои права, раскрасив листья кленов в багрянец и золото. Я всегда любила это время года. Время подведения итогов. Ирония судьбы.

Мой взгляд упал на кухню. Сквозь большое окно я видела, как Лида убирает со стола, а за столом, все на том же высоком стуле, сидит Аня. Она доела кашу и теперь просто смотрела в окно. На ее лице больше не было страха. Только тихая, детская печаль.

Что мне с ней делать? Эта мысль билась в голове, как птица в клетке. Я не могу ее здесь оставить. Но и выгнать… Куда? К полуживой старухе? В детский дом? Ребенка, в жилах которого течет кровь моего мужа… кровь моего сына? Нет. Это было невозможно.

Я смотрела на нее, и во мне поднималась волна глухого раздражения. Почему я? Почему я должна решать эту проблему? Почему он, ее отец, не забрал ее с собой? Потому что она ему не нужна. Она была ошибкой. Помехой. Испорченным активом в его новой, блестящей жизни.

В этот момент я увидела, как из дома вышел Алексей. Он не пошел к машине, а направился к флигелю, где у нас хранились вещи, из которых он давно вырос. Через несколько

минут он вернулся, неся в руках большую картонную коробку.

Он вошел в дом. Я, ведомая любопытством, вышла из кабинета и остановилась в тени холла, откуда мне была видна кухня.

Алексей вошел на кухню. Лида, увидев его, молча кивнула и вышла, оставив их одних. Аня, увидев его, снова напряглась. Она следила за ним испуганным взглядом.

Алексей не стал подходить к ней близко. Он поставил коробку на пол в нескольких метрах от стола и сел рядом с ней на корточки.

– Привет, – сказал он тихо.

Девочка молчала.

– Меня Леша зовут, – продолжил он. – Я… – он запнулся, подбирая слова. – Я твой брат.

Аня смотрела на него, широко раскрыв глаза.

Алексей открыл коробку. Я увидела, что она наполнена его старыми игрушками. Потертые машинки, конструктор «Лего», какие-то пластмассовые фигурки динозавров. Он достал из коробки большого, немного облезлого плюшевого медведя с одним оторванным ухом.

– Это Мишка, – сказал он. – Он был моим лучшим другом, когда я был такой же маленький, как ты. Он очень хороший. Умеет слушать секреты и никогда их никому не рассказывает.

Он протянул медведя ей. Аня не двигалась. Она смотрела

то на медведя, то на Алексея. Он не настаивал. Он просто положил игрушку на пол между ними. Потом он достал из коробки старый альбом для рисования и коробку цветных карандашей.

– А еще я очень любил рисовать, – сказал он. – Хочешь?

Он пододвинул альбом и карандаши поближе к ней. Она молчала. Но я видела, как ее взгляд задержался на яркой коробке с карандашами.

Алексей посидел еще немного молча, а потом встал.

– Ты не бойся, – сказал он так же тихо. – Тебя здесь никто не обидит.

Он вышел с кухни, оставив на полу коробку с игрушками и медведя. Я быстро отступила в тень, чтобы он меня не увидел. Он прошел мимо, не заметив меня, и поднялся в свою комнату.

Я снова посмотрела на кухню. Аня медленно, очень осторожно, сползла со своего стула. Она на цыпочках подошла к коробке. Постояла, посмотрела. Потом протянула маленькую ручку и коснулась плюшевого бока медведя. Погладила его. А потом взяла его на руки, прижала к себе и уткнулась в него лицом.

Я стояла в полумраке холла и смотрела на эту сцену. На моего взрослого сына, который пытался искупить свою вину через доброту к этому никому не нужному ребенку. И на эту маленькую, одинокую девочку, которая нашла утешение в старой, поломанной игрушке.

И в этот момент я впервые за последние сутки почувствовала не боль, не гнев и не жалость. А что-то другое. Сложное. Похожее на ответственность.

Она была здесь. В моем доме. И это был факт. Такой же неоспоримый, как то, что солнце встает на востоке. И пока она здесь, я должна сделать так, чтобы ее никто не обидел. Даже я сама.

Глава 6

Следующие два дня наш дом превратился в подобие штаба секретной операции. Тишина, которая раньше была гнетущей, теперь стала деловой, наполненной шуршанием бумаг и тихим гулом работающего компьютера. Алексей с головой ушел в поставленную задачу. Он практически не спал, проводя часы в кабинете отца, методично вскрывая пароли, копируя файлы, сканируя документы. Его лицо осунулось, под глазами залегли тени, но во взгляде появилась стальная решимость, которую я никогда раньше в нем не видела. Он больше не был мальчиком, пытающимся угодить родителям. Он был солдатом, искупающим свою вину на поле боя.

Мы почти не разговаривали. Общались короткими, деловыми фразами. «Мам, я нашел папку со счетами за прошлый год», «Вот распечатки банковских переводов», «Здесь черновики какого-то договора, посмотри». Я забирала у него бумаги, уходила в свой кабинет и погружалась в цифры, схемы, юридические формулировки.

С каждым часом передо мной разворачивалась все более уродливая картина. Это было не просто «неудачное инвестирование», как пытался представить Виктор. Это была тщательно спланированная, хладнокровная операция по выводу активов из нашей компании в подставные фирмы-однодневки. Деньги уходили огромными траншами под видом оплаты

несуществующих услуг, фиктивных консультаций, закупки оборудования по завышенным в десятки раз ценам. Все эти фирмы, как показывал беглый анализ, были так или иначе связаны с бизнес-империей Семёна Игоревича, отца новой пассии моего мужа.

Виктор не спасал бизнес. Он топил его. Целенаправленно, методично, сбрасывая балласт перед тем, как пересесть на новый, более современный корабль. А главным балластом, как я теперь понимала, была я.

Мой питерский адвокат, пожилой и уважаемый Игорь Борисович, изучив первые же документы, которые я ему привезла, только покачал головой.

– Марина Витальевна, это очень грязно, – сказал он, сняв очки. – Это не просто развод и раздел имущества. Это мошенничество в особо крупном размере. И ведут его профессионалы. Нам будет очень сложно что-то доказать. Их юристы завалят нас встречными исками, будут тянуть время годами. Нам нужна команда совершенно другого уровня. Нужны аудиторы, способные раскопать всю цепочку. Нужна своя служба безопасности.

Вечером, сидя в своем кабинете и глядя на растущую гору папок, я почувствовала, как реальность происходящего давит на меня с новой силой. Три ночи почти без сна. Питание кофе и случайными бутербродами. Документы, цифры, схемы мошенничества – все это складывалось в чудовищную мозаику предательства. За окном уже стемнело. В доме бы-

ло тихо. Только изредка доносились приглушенные звуки с кухни, где Лида готовила ужин, и тихое бормотание детского голоска – Аня разговаривала со своим плюшевым медведем.

Я опустила голову на руки, позволяя себе минутную слабость. Глаза закрылись сами собой.

Резкий звонок телефона заставил меня вздрогнуть. Я посмотрела на экран. Андрей.

– Слушаю, – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал бодро.

– Ты спала? – в его голосе прозвучала нотка беспокойства.

– Нет. Работала, – я выпрямилась в кресле, прогоняя остатки дремоты. – Что-то случилось?

– Напротив, – ответил он. – Все идет по плану. Мои люди закончили предварительный анализ документов, которые ты прислала. Картина вырисовывается именно такая, как мы и предполагали. Твой муж планомерно разворовывает собственную компанию. У нас есть зацепки.

Я слушала, чувствуя, как внутри просыпается холодная ярость.

– Завтра к тебе приедут мои люди, – продолжил Андрей. – Олег Валерьевич, глава службы безопасности, и два юриста по корпоративным спорам. Они проведут полный аудит того, что ты собрала, и составят план действий. Приготовься к тому, что они будут задавать много вопросов. Им нужно знать все – даже то, что кажется незначительным.

– Я готова, – сказала я твердо.

– Знаю, – в его голосе прозвучала улыбка. – Ты всегда была готова. Помнишь, как ты сдавала госэкзамен? Все тряслись, а ты вошла в аудиторию, как генерал на поле боя.

Я невольно усмехнулась, вспоминая. Это было так давно. В другой жизни.

– Андрей, – сказала я после паузы. – Спасибо. Я знаю, что говорила это уже, но… спасибо. Не знаю, чтобы я делала без твоей помощи.

– Справилась бы, – ответил он уверенно. – Ты всегда справлялась. Просто сейчас не нужно. У тебя есть я. И моя команда. Держись, Орлова. Завтра начнется настоящая работа.

Мы попрощались. Я положила телефон на стол и посмотрела на свое отражение в темном стекле окна. Женщина, смотревшая на меня оттуда, все еще была усталой. Но в ее глазах горел огонь решимости.

В дверь моего кабинета тихо постучали.

– Мам? Можно?

Вошел Алексей. Он держал в руках тонкую папку. В его глазах был странный блеск – смесь триумфа и отвращения.

– Я кое-что нашел, – сказал он. – В личном сейфе отца. Думаю, тебе это будет интересно.

Он положил передо мной папку. Я открыла ее. Внутри лежало несколько листов. Это был не договор. Это был проект брачного контракта. Между Виктором Андреевичем Забегаевым и Ксенией Семёновной Волковой.

Я читала, и с каждой строчкой кровь в моих жилах становилась все холоднее. По условиям этого контракта, в случае заключения брака, все активы Виктора, включая акции нашей компании, переходили в совместное управление супругов с последующим слиянием и образованием нового холдинга под руководством… Семёна Игоревича Волкова.

Вот он. Весь план. Разложенный по полочкам, юридически выверенный, безупречно выстроенный. Развод со мной. Женитьба на Ксении. Передача активов. Поглощение компании Волковым. И я в этой схеме была никем. Пустым местом. Препятствием, которое нужно было устранить.

– Когда это датировано? – спросила я, не отрывая глаз от документа.

– Три месяца назад, – ответил Алексей глухо. – Мам, он все это время… он планировал. Еще тогда, когда мы выбирали мебель для нового дома. Когда ты готовила юбилей. Он уже знал, что предаст тебя.

Я медленно подняла глаза на сына. Он стоял передо мной, бледный, с искаженным лицом. Он винил себя. Думал, что если бы сказал мне раньше, я могла бы что-то изменить.

– Леша, – сказала я тихо, но твердо. – Даже если бы ты сказал мне полгода назад, ничего бы не изменилось. Он все равно сделал бы то, что сделал. Разница лишь в том, что я узнала бы правду раньше. И, возможно, была бы еще менее готова к борьбе.

Он посмотрел на меня с надеждой.

– Правда?

– Правда. Все произошло так, как должно было произойти. А теперь у меня есть это, – я постучала пальцем по документу. – И завтра это увидят люди Андрея. Это наше оружие. Спасибо, Леша, – добавила я. – Ты отлично поработал. Это очень важная находка.

Облегчение на его лице было почти осязаемым. Он кивнул.

– Мам, ужин готов, – сказал он. – Лида зовет. Может, спустимся? Тебе нужно поесть нормально.

Я кивнула. Мы вышли из кабинета и спустились вниз. На кухне пахло жареной курицей и картофелем. Лида суетилась у плиты, накрывая на стол. А на своем высоком стульчике сидела Аня. Перед ней лежали карандаши и альбом. Она что-то сосредоточенно рисовала, высунув кончик розового языка.

Я села за стол. Аня подняла на меня свои серые глаза – глаза Виктора. В них уже не было того панического ужаса, который я видела в первый вечер. Только настороженность. И детская печаль, слишком глубокая для пятилетнего ребенка.

– Что ты рисуешь? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал мягко.

Она молча протянула мне свой рисунок. На листе был изображен маленький домик с красной крышей и трубой, из которой шел дым. Рядом росло дерево с круглыми яблоками. А перед домом стояли три фигурки, нарисованные неровны-

ми детскими линиями. Большая, средняя и маленькая.

– Это кто? – спросила я мягко, хотя уже знала ответ.

– Бабушка, – Аня ткнула пальчиком в самую большую фигуру. Потом в среднюю. – Мама. – Голос ее дрогнул. – И я.

Она подняла на меня глаза, и в них стояли слезы.

– Когда я поеду к бабушке? – прошептала она. – Я хочу к бабушке.

Алексей нашел адрес вчера. Я знала, где живет эта женщина. Старый дом на окраине города. Пятый этаж без лифта. Двухкомнатная квартира. Женщина после инсульта, которая едва передвигается.

– Послезавтра, – сказала я, и сама удивилась твердости своего голоса. – В воскресенье мы с тобой поедем к бабушке. Обещаю.

Аня смотрела на меня недоверчиво. Взрослые много обещали ей за последнее время. И не выполняли.

– Правда? – прошептала она.

– Я не вру, – сказала я, глядя ей прямо в глаза. – Когда я что-то обещаю, я это делаю. Всегда. В воскресенье мы поедем. Ты увидишь бабушку. Хорошо?

Она медленно кивнула. Вытерла ладошкой слезы. И снова склонилась над рисунком, взяв зеленый карандаш. Начала закрашивать траву вокруг домика.

Мы ели в тишине. Я заставляла себя жевать курицу, хотя она казалась ватой. Аня тоже ела плохо, больше возила картошку по тарелке. Но она больше не плакала.

– Тебе нравится Мишка? – неожиданно спросил Алексей, кивая на плюшевого медведя, который сидел рядом с Аней на стуле.

Она кивнула, прижимая игрушку к себе.

– Он знает много сказок, – продолжил Алексей. – Он хороший.

Аня посмотрела на медведя, потом на Алексея.

– У него ушко оторвалось, – прошептала она.

– Да, – Алексей улыбнулся. – Я его один раз слишком сильно обнял. Но ему не больно. Он храбрый.

– Как рыцарь? – в голосе девочки промелькнул интерес.

– Точно, как рыцарь.

Я смотрела на эту сцену – на сына, осторожно выстраивающего мост к напуганному ребенку, на девочку с плюшевым медведем, – и чувствовала, как усталость наваливается на меня свинцовой тяжестью. Не физическая. Душевная. От того, что мир, который я знала, разрушен, а новый еще не выстроен. От того, что я должна одновременно быть генералом, готовящимся к войне, и взрослой, которая обещала пятилетнему ребенку поездку к бабушке.

Аня вдруг подняла голову и встретилась со мной взглядом. Секунду мы смотрели друг на друга – две чужие друг другу женщины, связанные одним мужчиной, который предал их обеих. Потом она снова уткнулась в свой альбом, закрашивая небо голубым карандашом.

Мы доели ужин в тишине. Лида молча убирала со стола, с

той деликатностью, которая приходит только с годами работы в одной семье – она чувствовала, когда нужно быть невидимой. Алексей пытался вовлечь Аню в разговор о рисунке, и девочка отвечала односложно, но без прежнего страха. Прогресс. Маленький, но заметный.

После ужина Лида отвела Аню наверх – помочь ей умыться и уложить спать. Я вернулась в кабинет, разложила все документы в папки, приготовила их для завтрашней встречи. Работала до поздней ночи, систематизируя информацию, составляя хронологию событий.

Около полуночи я закончила. Поднялась на второй этаж. Остановилась у двери гостевой спальни. Дверь была приоткрыта. Я заглянула внутрь.

Аня спала, свернувшись калачиком под одеялом. Плюшевый медведь лежал рядом, она обнимала его одной рукой. На лице ребенка было спокойное выражение – впервые за эти дни. Без страха. Без слез.

На прикроватной тумбочке лежал ее рисунок. Домик с тремя фигурками.

Я тихо прикрыла дверь и пошла в свою спальню. Легла, не раздеваясь. Закрыла глаза.

Завтра начинается война. Настоящая. Я не знала, чем она закончится. Не знала, смогу ли победить. Но я знала одно – я буду драться. До конца. За свою компанию. За свое достоинство. За право на собственную жизнь.

И, может быть, за право этой маленькой девочки тоже

иметь нормальное детство. Даже если она дочь человека, которого я сейчас презирала.

Глава 7

Утром, ровно в десять, в ворота нашего дома позвонили. Я спустилась вниз. Алексей уже стоял в холле, одетый и собранный.

На экране домофона я увидела трех мужчин в строгих деловых костюмах. Они не были похожи на обычных юристов. В их позах, в том, как они стояли, читалась военная выправка. Профессионалы.

Я нажала кнопку, открывая ворота. Потом распахнула входную дверь.

Мужчины подошли к крыльцу. Старший из них, крепкий мужчина лет пятидесяти с короткой стрижкой и пронзительными серыми глазами, протянул мне руку.

– Марина Витальевна? Олег Валерьевич Краснов. Мы от Андрея Воронцова.

– Проходите, – сказала я, пожимая его сухую, сильную ладонь.

Они вошли в холл. Двое других представились – Антон и Кирилл, юристы по корпоративным спорам. Молодые, лет тридцати пяти, в идеальных костюмах, с внимательными глазами.

– Где мы можем работать? – спросил Олег, окидывая холл внимательным взглядом.

– Наверху, в моем кабинете, – я повела их к лестнице. –

Там будет удобнее.

Мой кабинет был моей тихой гаванью – единственное место в доме, которое не было осквернено присутствием Виктора в последние годы. Он всегда предпочитал свой, на первом этаже, более помпезный и деловой. Мой же был скромнее – с книжными стеллажами до потолка, удобным креслом и большим окном, выходящим в сад. Теперь эта гавань превращалась в командный пункт.

Алексей шел следом за нами. Когда мы вошли в кабинет, я указала гостям на кресла вокруг большого стола.

– Присаживайтесь. Кофе? Чай?

– Позже, спасибо, – Олег оглядел помещение быстрым взглядом, отмечая расположение окон, дверей. – Сначала дело.

Он кивнул коллегам, и те уселись за стол, открывая планшеты. Алексей устроился рядом со мной, положив перед собой ноутбук и стопку распечатанных документов.

– Марина Витальевна, позвольте представить коллег более подробно, – начал Олег. – Антон специализируется на враждебных поглощениях, Кирилл на экономических преступлениях. Андрей Сергеевич просил передать, что они в вашем полном распоряжении.

Я кивнула.

– Спасибо, что приехали так быстро.

Олег окинул Алексея быстрым, оценивающим взглядом.

– Это ваш сын?

– Да. Алексей. Мой партнер и доверенное лицо в этом деле, – я сказала это намеренно. Чтобы они сразу поняли его статус. И чтобы он сам его услышал.

Взгляд Алексея на мгновение встретился с моим, и я увидела в нем благодарность. Он молча кивнул мужчинам.

– Очень хорошо, – сказал Олег. – Чем больше у нас доверенных инсайдеров, тем лучше. Марина Витальевна, с вашего позволения, мы начнем. Нам нужна полная картина. Без эмоций, только факты. Все, что вы знаете. С самого начала.

И я начала говорить. Я рассказывала им все, что раскопала за последние дни. О странных траншах, о фиктивных договорах, о фирмах-однодневках, зарегистрированных на подставных лиц. Я говорила сухо, четко, оперируя цифрами и датами. Мой мозг, столько лет занимавшийся лишь садом, домом и небольшим цветочным бизнесом, заработал с прежней, забытой силой. Я снова была той Мариной, которая двадцать пять лет назад вместе с Виктором строила эту империю с нуля.

Юристы молча слушали, изредка делая пометки в своих блокнотах. Их лица были непроницаемы. Когда я закончила, Антон задал первый вопрос:

– У вас есть доступ к реестру акционеров и уставным документам в последней редакции?

– Да, – ответил Алексей, прежде чем я успела открыть рот. Он открыл ноутбук. – Я скачал все с корпоративного сервера. Вот устав. Последние изменения вносились восемь меся-

цев назад. По инициативе отца. Они расширяли полномочия генерального директора в части совершения крупных сделок без одобрения совета директоров. Тогда это объяснялось «необходимостью повышения оперативной гибкости».

Кирилл поднял на него глаза.

– Вы работаете в компании?

– Да. Пять лет. Последние два года – в финансовом отделе. Заместителем начальника.

На лицах юристов впервые промелькнуло что-то похожее на интерес.

– Это меняет дело, – констатировал Антон. – У нас есть не просто доступ к документам. У нас есть свидетель, который понимает, как работает система изнутри. Алексей, вы можете составить список ключевых сотрудников финансового и юридического отделов? Кто был лоялен вашему отцу, кто мог быть в курсе происходящего, а кто потенциальный союзник?

– Уже составлен, – Алексей развернул к ним экран ноутбука. – Вот схема. Зеленым – те, кто давно работает и лоялен скорее компании, чем лично отцу. Желтым – «новые», люди Семёна Игоревича, приведенные за последний год. Красным – ключевые фигуры в схеме. Финансовый директор, начальник юридического отдела. Они оба – креатуры Волкова.

Я смотрела на сына и не узнавала его. Куда делся растерянный мальчик, который несколько дней назад лепетал мне оправдания? Передо мной сидел серьезный аналитик, кото-

рый, оказывается, все это время не просто работал, а видел, анализировал и делал выводы. Он молчал не только из-за ложной сыновней преданности. Он молчал, потому что собирал информацию, сам до конца не понимая, во что она может вылиться.

– А это что? – спросил Кирилл, указывая на тонкую папку на столе.

– Это вишенка на торте, – сказала я и подвинула им проект брачного контракта.

Они читали его вдвоем, передавая друг другу листы. Их лица оставались бесстрастными, но я видела, как напряглись их скулы.

– Классика, – наконец сказал Антон, отложив последний лист. – Цинично, но юридически безупречно. Создание совместного предприятия через брачный союз. Слияние активов. Ваша доля, Марина Витальевна, после развода и раздела имущества превратилась бы в миноритарный пакет в новом холдинге, который вы не смогли бы ни продать по рыночной цене, ни использовать для влияния на решения. Вас бы просто размыли и выдавили в течение года.

– То есть, все было просчитано, – констатировала я, хотя и так знала ответ.

– От и до, – подтвердил Кирилл. – Они готовились к этому минимум год. Судя по изменениям в уставе и появлению «новых» людей.

– Каковы наши шансы? – спросила я прямо.

– Если бы вы были одни, с вашим местным адвокатом, – честно сказал Антон, – я бы оценил их процентов в десять. Вы бы увязли в судах на годы и в итоге согласились бы на унизительное мировое соглашение. Но сейчас ситуация иная.

Он посмотрел на Олега. Глава службы безопасности взял слово.

– Наша задача делится на три этапа, – его голос был ровным и твердым, как сталь. – Этап первый: оборона и сбор информации. Мы берем вас и ваш дом под полную защиту. Сегодня вечером сюда приедет техническая группа, проведут полную проверку помещений на предмет прослушивающих устройств. Все ваши коммуникации: телефоны, интернет будут переведены на защищенные каналы. Мы выставим круглосуточную физическую охрану. Вам и Алексею будут выделены автомобили с водителями-охранниками. Никаких лишних передвижений по городу без согласования.

– Это действительно необходимо? – не удержалась я. – Мы же не в криминальном боевике.

– Вы в корпоративной войне, Марина Витальевна, – жестко ответил Олег. – А ее ведут люди, для которых понятия «мораль» и «закон» – пустой звук. Суммы, о которых идет речь, заставляют людей совершать очень плохие поступки. Ваша жизнь и жизнь вашего сына могут оказаться рычагом давления. Мы не имеем права рисковать.

Я посмотрела на Алексея. Он был бледен, но кивнул, со-

глашаясь.

– Я понял.

– Параллельно, – продолжил Олег, – мы начинаем тотальную разработку всех ключевых фигур с той стороны. Волков, его дочь, финансовый директор, юристы. Мы поднимем все. Счета, недвижимость, связи, привычки, слабости. Мы должны знать о них больше, чем они сами о себе знают.

– Этап второй: подготовка плацдарма, – вступил Антон. – Мы готовим два пакета документов. Первый для арбитражного суда. Иск об оспаривании всех сделок за последний год как заведомо убыточных для компании. Мы потребуем наложения ареста на все счета и активы, чтобы остановить вывод денег. Второй пакет для правоохранительных органов. Заявление о мошенничестве в особо крупном размере, совершенном группой лиц по предварительному сговору.

– Вы думаете, полиция будет этим заниматься? У Волкова везде свои люди, – с сомнением сказала я.

– Местная полиция возможно, нет, – усмехнулся Кирилл. – Но мы будем подавать заявление не здесь. Мы будем подавать его в Москве. Напрямую в Управление по борьбе с экономическими преступлениями. У Андрея Сергеевича там… хорошие знакомые, которые давно интересуются деятельностью гражданина Волкова. Ваше дело может стать тем самым спусковым крючком, которого они ждали.

– И этап третий, – подытожил Олег. – Контратака. Когда информация будет собрана, а иски поданы, мы начнем нано-

сить удары. Информационные – через прессу. Юридические – через суды. Психологические – напрямую по оппонентам. Наша задача не просто вернуть вам ваше. Наша задача – уничтожить их репутацию и их бизнес. Чтобы они больше никогда не смогли подняться.

Я слушала их и чувствовала, как ледяной ужас сменяется холодной, яростной решимостью. Они говорили на языке войны. И я понимала этот язык.

– Я согласна, – сказала я твердо. – Что от меня требуется?

– Полное доверие. И информация, – ответил Олег. – Алексей, нам понадобится ваша помощь в офисе. Пока есть возможность, вы должны стать нашими глазами и ушами. Но действовать предельно осторожно. Никаких резких движений. Вы опечаленный сын, который растерян и не знает, чью сторону занять.

– Я справлюсь, – кивнул Алексей.

– Марина Витальевна, от вас воспоминания. Любые детали о Викторе, о Семёне. Их общие проекты в прошлом, разговоры, которые вы могли слышать, их привычки, слабости. Все, что кажется вам незначительным, может оказаться ключом.

Мы проговорили еще больше часа. Юристы задавали вопросы, я отвечала, Алексей дополнял. Олег делал пометки в своем планшете, иногда уточняя детали. Постепенно передо мной выстраивалась четкая картина того, что предстояло. Это было похоже на подготовку к военной операции. И я

чувствовала себя не жертвой, а командующим армией.

В какой-то момент в дверь кабинета тихонько постучали.

– Да, – сказала я.

Дверь приоткрылась, и на пороге появилась Лида. Она испуганно покосилась на незнакомых мужчин.

– Простите, Марина Витальевна, – прошептала она. – Анечка… она плачет. Спрашивает, где Леша. Боится, что он уехал.

Алексей тут же поднялся.

– Я сейчас приду.

– Нет, – остановила его я. – Сиди. Я пойду сама.

Олег кивнул.

– Да, сделаем перерыв. Нам нужно связаться с Москвой, согласовать некоторые моменты.

Я встала и вышла из кабинета. Спустилась по лестнице на первый этаж. Аня сидела на нижней ступеньке и тихо плакала, вытирая слезы маленькими кулачками. Рядом с ней на полу лежал плюшевый медведь.

Я подошла и присела перед ней на корточки.

– Что случилось?

– Леша уехал? – всхлипнула она, поднимая на меня заплаканные серые глаза.

– Нет. Леша здесь. Он работает. У него важные дела, – сказала я мягко.

– А вы? Вы тоже работаете? – она смотрела на меня с детским недоверием.

– Да. Я тоже работаю.

– А дяди… они злые? – ее голос дрогнул.

– Нет, – я покачала головой. – Они не злые. Они… помощники. Они помогают нам сделать так, чтобы нас больше никто не обижал.

Она смотрела на меня, и я видела, что она не до конца понимает мои слова. Но она перестала плакать.

А я смотрела на нее – на мокрые ресницы, на испуганные глаза, на сжатые кулачки – и что-то сдавило мне горло. Она сидела здесь, на холодной ступеньке моей лестницы, одна. Лида была занята на кухне. Алексей наверху, в важных делах. Я тоже… А она просто сидела и плакала. Потому что испугалась. Потому что единственный человек, который был к ней добр за эти дни, исчез. И некому было ее успокоить.

Пять лет. Ей всего пять лет. В этом возрасте Алексей боялся спать без ночника и требовал, чтобы я читала ему сказки перед сном. Каждый вечер. И я читала. Потому что он был моим ребенком, и его страхи были важнее всех дел на свете.

А эта девочка? Что она пережила за последние недели? Смерть матери. Больную бабушку, которая не могла о ней заботиться. Поездку в чужой дом, где ее встретила женщина с ледяным взглядом. Где ее отец даже не попытался ее обнять. Где она была никому не нужна.

Я могла сейчас развернуться и уйти. Сказать Лиде, чтобы та занялась ребенком. У меня там, наверху, шла война. Война за мою жизнь. За мою компанию. За мое будущее. Разве

у меня было время утешать плачущую девочку?

Но она смотрела на меня этими серыми глазами – глазами Виктора, глазами Алексея – и ждала. Просто ждала. Не требовала. Не просила. Просто сидела и ждала, что я сделаю.

И я поняла: если я уйду сейчас, я стану такой же, как Виктор. Человеком, для которого ребенок – это помеха. Неудобство. То, что можно оставить на краю жизни и забыть.

Я не хотела быть такой и протянула ей руку.

– Пойдем. Я покажу тебе, как печь яблочный пирог. У меня есть секретный рецепт моей бабушки.

Она колебалась секунду, глядя на мою протянутую ладонь. Потом медленно вложила свою крошечную ладошку в мою.

Я помогла ей встать, и мы пошли на кухню. Она шла рядом, не отпуская моей руки, и я чувствовала, как ее маленькие пальцы слегка дрожат.

Лида уже была на кухне, она вопросительно посмотрела на меня.

– Лида, у нас будет помощница, – сказала я. – Достаньте, пожалуйста, яблоки и муку. Мы будем печь пирог.

Мы стояли на кухне, Аня сосредоточенно скоблила яблоко тупым ножом, высунув кончик языка. Я замешивала тесто. А где-то наверху, в моем кабинете, люди Андрея готовили план войны против моего мужа и его союзников.

И я думала о том, что Олег прав. Это война. Но воюю я не только за акции и капиталы. Я воюю за этот дом. За моего

сына. За свое право на собственную жизнь. И, может быть, за право этой маленькой девочки с глазами моего мужа не расплачиваться за грехи своего отца.

Глава 8

Пирог получился хорошим. Когда мы достали его из духовки, золотистая корочка, пропитанная сахарным сиропом, источала аромат корицы и яблок, заполнивший всю кухню. В этом было что-то успокаивающее, почти терапевтическое – простая домашняя радость посреди хаоса.

Мы сели за стол – я и Аня. Девочка откусывала маленькими кусочками, и на ее щеках был румянец – от духовки, от усталости, а может, просто от того, что ей было хорошо.

– Вкусно? – спросила я.

Она кивнула, не поднимая глаз.

– Очень, – прошептала она. – Спасибо.

Это простое слово снова сжало что-то у меня в груди. Благодарность за внимание, за то, что с ней провели время, за то, что не прогнали.

Мы допивали чай в тишине. Аня доедала последний кусочек пирога, размазывая крошки по тарелке пальцем. Потом устало откинулась на спинку стула, прикрыв глаза. Лида сразу это заметила.

– Анечка, пойдем, я отведу тебя в комнату, отдохнешь немного, – сказала она мягко, убирая со стола.

Девочка послушно слезла со стула и взяла Лиду за руку. Они вышли из кухни, и я слышала, как их шаги удаляются по коридору, поднимаются по лестнице.

Я осталась одна за столом с недопитой чашкой чая. Смотрела в окно на осенний сад – желтые листья кружили в воздухе, оседая на мокрую от утренней росы траву. Красиво. Печально. Время подводить итоги.

Эта девочка была здесь. В моем доме. И она никуда не денется, поняла я окончательно. Ее мать мертва. Бабушка больна, едва может ходить. Отец от нее отказался, оставил здесь, как ненужную вещь. Что с ней будет? Органы опеки? Детский дом?

При одной этой мысли что-то холодное сжало мне сердце. Нет. Не в детский дом. Не эту девочку.

Я поднялась наверх, в кабинет. Команда Андрея работала, склонившись над ноутбуком Алексея, они обсуждали что-то вполголоса. Их деловые, сосредоточенные голоса казались такими чужими в моем доме, пропахшем сейчас яблоками и корицей.

Услышав мои шаги, они подняли головы.

– Марина Витальевна, – Олег кивнул мне. – Как раз вовремя. Мы закончили предварительный план действий. Хотели с вами обсудить детали.

Я села на свое место и на мгновение замолчала, собираясь с мыслями. В голове крутился вопрос, который не давал мне покоя последние полчаса.

– У меня есть вопрос, – сказала я, глядя прямо на Антона и Кирилла. – Юридический. О девочке.

Антон отложил планшет, его лицо стало внимательным.

– Слушаем.

Я глубоко вдохнула.

– Ее привезла сюда бабушка. Больная женщина, после инсульта, которая физически не может о ней заботиться. Я видела ее – она с трудом передвигается, правая рука почти не работает. Отец… – я запнулась на этом слове, потом заставила себя продолжить, – отец от нее фактически отказался. Бросил здесь и ушел. И я не знаю… – я сжала руки в кулаки под столом, – я не знаю, что мне делать с точки зрения закона.

Кирилл склонил голову набок, изучая меня.

– Что именно вас беспокоит?

– Мне нужно оформить какие-то документы? – слова полились сами. – Опеку? Попечительство? Как сделать так, чтобы не было проблем ни с ним, которому она явно не нужна, ни с органами опеки? Потому что… – я посмотрела на них всех троих, потом на Алексея, – потому что девочке больше некуда идти. И она останется здесь.

Последняя фраза прозвучала твердо. Как приговор. Как решение, от которого нельзя отступить.

Алексей посмотрел на меня, и в его глазах я увидела что-то новое. Не просто благодарность. Уважение.

Кирилл задумчиво постучал пальцами по столу, его брови сошлись на переносице.

– Ситуация деликатная, – сказал он медленно, обдумывая каждое слово. – Но решаемая. Формально, если отец жив и

не лишен родительских прав, вы не можете просто взять опеку без его согласия. Это первое, что нужно понимать. Но, – он поднял палец, – есть нюанс. Если отец фактически оставил ребенка на вашем попечении и не проявляет интереса к его судьбе, это можно квалифицировать как уклонение от исполнения родительских обязанностей.

– То есть? – я подалась вперед.

Антон подхватил мысль коллеги:

– То есть, мы можем оформить это как временное попечительство по обоюдному согласию. Вы подаете заявление в органы опеки о том, что несовершеннолетняя находится на вашем попечении с такого-то числа – укажем дату, когда ее привезли. Указываете, что бабушка по состоянию здоровья не может осуществлять уход за ребенком. Отец работает, часто отсутствует, попросил вас временно помочь с воспитанием дочери. Все в рамках семейной взаимопомощи, ничего криминального.

– Звучит слишком просто, – я покачала головой. – А если он будет против?

Кирилл усмехнулся, но улыбка была холодной.

– Марина Витальевна, пусть попробует возразить. Мы тогда зададим встречные вопросы: почему он полгода не платил алименты матери ребенка? Почему не навещал дочь? Почему, когда мать умерла, он не забрал ребенка к себе? Мы превратим любые его возражения в петлю на его собственной шее. Органы опеки очень не любят отцов, которые вспо-

минают о своих детях только тогда, когда это им выгодно.

– А если… – я сглотнула, озвучивая свой главный страх, – а если он захочет забрать ее потом? Из мести?

Олег, который до этого молча слушал, покачал головой.

– Не захочет. – Его голос звучал абсолютно уверенно. – Я уже навел справки о Ксении Волковой. Единственная дочь Семёна Игоревича, избалованная с детства, привыкшая получать все, что хочет. У нее свое видение идеальной жизни: богатый муж, статус, светская жизнь. Чужой ребенок от какой-то безродной любовницы в эту картинку не вписывается никак. Если Виктор попытается настоять на том, чтобы забрать девочку к себе, Ксения его выставит. Свадьбы не будет, а значит, не будет и сделки с Волковым. Виктор это прекрасно понимает.

– Значит, он от нее откажется, – констатировала я.

– Откажется, – подтвердил Олег. – Просто ему нужно дать возможность сделать это тихо, без потери лица. Чтобы он мог себе и окружающим объяснить, что это временная мера, что он заботливый отец, который нашел лучший вариант для дочери.

Антон уже доставал планшет.

– Мы составим документ, – сказал он, быстро печатая что-то. – Соглашение о временной передаче ребенка на воспитание. С формулировкой «в связи с невозможностью осуществления личного ухода и воспитания по семейным и рабочим обстоятельствам». Очень обтекаемо, очень прилично.

Он его подпишет, будьте уверены. Он будет счастлив избавиться от этой проблемы.

– А потом? – спросила я. – Когда пройдет время?

– Потом, – Кирилл откинулся на спинку кресла, – через полгода-год, когда ситуация устаканится, вы сможете подать на полную опеку. К тому времени у нас будет солидное досье на Виктора Забегаева как на отца, уклоняющегося от своих обязанностей. Девочка будет жить с вами, ходить в школу, у нее будет стабильность. Суд встанет на вашу сторону без вопросов.

Я сидела молча, переваривая информацию. Значит, это возможно. Реально, юридически грамотно, возможно. Я могу оставить ее здесь. Законно. Без страха, что ее отберут.

– Хорошо, – сказала я, и мой голос прозвучал тверже, чем я ожидала. – Подготовьте документы. Все, что нужно.

– Есть еще один момент, – добавил Олег. – Желательно съездить к бабушке. Получить от нее письменное согласие или хотя бы зафиксировать свидетелями, что она передала вам ребенка добровольно, понимая, что сама не может о ней заботиться. Это укрепит вашу позицию, если вдруг кто-то начнет задавать вопросы.

– В воскресенье, – сказала я сразу. – Я обещала Ане, что мы поедем к бабушке в воскресенье.

Алексей посмотрел на меня, и я поймала его взгляд. В нем было столько всего – гордость, благодарность, облегчение. Он понимал, что это значит для меня. Что я делаю выбор.

Трудный, неудобный, но правильный.

Мы провели еще больше часа за обсуждением деталей. Юристы раскладывали передо мной весь механизм предстоящей юридической войны – как шахматную партию, где каждый ход был просчитан на несколько шагов вперед. Олег объяснял систему безопасности, которую они выстроят вокруг дома и нас с Алексеем. Я слушала, задавала вопросы, делала пометки.

Постепенно хаос в моей голове превращался в четкую структуру. План. Стратегия. Я снова чувствовала себя той Мариной, которая когда-то с нуля строила бизнес – собранной, сосредоточенной, готовой к бою.

Когда солнце начало клониться к закату, заливая кабинет золотым светом, гости стали собираться.

– Завтра с утра начинаем, – сказал Антон, застегивая портфель. – Подаем документы на арест счетов и запрет на совершение сделок. Все одновременно, в девять ноль-ноль, чтобы они не успели среагировать и перевести деньги.

– А к вечеру, – добавил Олег, надевая пальто, – к вам приедет техническая группа. Проверят дом на жучки, установят защищенную связь. И я оставлю здесь двоих своих людей. Круглосуточно, посменно. Они будут незаметны, но они будут рядом.

Я проводила их до двери. На пороге Олег задержался, посмотрел мне в глаза.

– Вы отлично держитесь, Марина Витальевна, – сказал он

негромко. – Андрей Сергеевич был прав насчет вас. Вы сильная женщина.

Когда за ними закрылась дверь, я на мгновение прислонилась к ней спиной и закрыла глаза. Как же я устала. Смертельно устала…

Утро следующего дня выдалось ясным и холодным. Октябрьское солнце било в окна резкими лучами, но не грело. Я встала рано, около семи, хотя спала плохо – мысли крутились в голове, не давая покоя. Принимала душ долго, стоя под горячими струями воды, пытаясь смыть остатки ночного беспокойства.

Оделась тщательно. Строгий серый костюм, белая блузка, волосы собраны в низкий пучок. Легкий макияж, но достаточный, чтобы скрыть следы бессонницы. Никаких домашних халатов, никакой расслабленности. Сегодня я должна была выглядеть непоколебимой.

Спустилась вниз. Дом был тихим, только на кухне слышалось тихое позвякивание посуды – Лида уже готовила завтрак. Запах кофе и свежих тостов наполнял первый этаж. Обычное утро. Почти обычное.

Я вошла на кухню. Аня сидела за столом, перед ней стояла тарелка с кашей. В одной руке у нее была ложка, в другой она держала карандаш – раскрашивала что-то в своем альбоме, периодически отвлекаясь от завтрака. Увидев меня, она подняла глаза.

– Доброе утро, – прошептала она.

– Доброе утро, – ответила я, и меня поразило, как естественно прозвучали эти слова. Как будто она всегда здесь сидела за завтраком.

Лида поставила передо мной чашку кофе. Я обхватила ее руками, чувствуя тепло.

Минут через десять на кухне появился Алексей. Он был уже одет: деловой костюм, свежая рубашка, галстук. Выглядел собранным, серьезным, но я видела напряжение в его движениях. Он налил себе кофе и сел напротив меня.

Мы не разговаривали. Слов не требовалось. Мы оба знали, что сегодня начинается. Где-то в судах уже подаются иски. Где-то счета замораживаются. Механизм запущен, и остановить его уже невозможно.

Около девяти утра резко зазвонил домофон. Звук был таким громким, таким неожиданным в утренней тишине, что я вздрогнула. Алексей поднял голову. Наши взгляды встретились.

Я встала и прошла в холл, к монитору домофона. Нажала кнопку. На экране появилось изображение.

Виктор. Он стоял у ворот один. В руках держал кожаный портфель.

Я нажала кнопку переговорного устройства.

– Что тебе нужно, Виктор?

– Марина, нам нужно поговорить. Спокойно. Как взрослые люди.

Я колебалась несколько секунд. Но все же нажала кнопку.

Ворота медленно поползли в стороны.

Он вошел в дом, и я рассмотрела его внимательнее. Дорогой костюм сидел идеально, но под глазами залегли тени. Он выглядел усталым, но собранным. Уверенным в себе, как всегда.

– Проходи в гостиную, – сказала я ровно.

Мы прошли в гостиную – ту самую, где еще неделю назад праздновали наш юбилей. Я села в кресло у камина, он устроился на диване напротив. Положил портфель на колени. Смотрел на меня изучающе, словно оценивал противника перед боем.

– Марина, – начал он спокойно, деловито, – я понимаю, что в тот вечер ты была в шоке. Не могла адекватно реагировать на то, что я говорил. Это нормально. Но сейчас, когда прошло время, давай обсудим ситуацию трезво.

– Время? – я не удержалась от усмешки. – Прошла неделя, Виктор. Всего неделя. За которую я, кстати, многое узнала. Так что давай без этих игр. Говори, зачем пришел.

Его челюсти напряглись, но голос остался ровным.

– Хорошо. Без игр, – он откинулся на спинку дивана. – Алена… это была ошибка. Глупая, постыдная ошибка много лет назад. Я не оправдываюсь, просто констатирую факт. Женщина умерла. Это трагедия. Девочка… я не знал, что делать, когда ее привезли. Это было неожиданно.

– Ты сбежал, – сказала я тихо. – Бросил пятилетнего ребенка в чужом доме и сбежал.

Он сжал губы, но не стал спорить.

– Я пришел не об этом говорить, – его голос стал тверже. – Я пришел о компании. Марина, ты должна понять: то, что я предложил – это не попытка тебя обмануть. Это единственный способ спасти то, что мы строили двадцать пять лет. Наше дело. Если мы не действуем сейчас, мы потеряем все.

– И Ксения Волкова – часть плана спасения? – я не удержалась.

Вопрос прозвучал холодно. Виктор не вздрогнул на этот раз. Он был готов к нему.

– Ксения – деловой партнер, – сказал он, четко, глядя мне в глаза. – Дочь Семёна Игоревича Волкова, крупнейшего инвестора в регионе. Ее отец готов вложить деньги в нашу компанию. Но для этого нужны гарантии. Личные гарантии.

Он сделал паузу.

– Да, мы встречаемся, но ничего не было. Это часть сделки. Бизнес-отношения в личной обертке. Так делают все на этом уровне. Ты давно не варишься в этой среде, поэтому не понимаешь, как это работает.

Мне захотелось швырнуть ему в лицо его брачный контракт. Но я сдержалась.

Еще не время. Люди Андрея еще не нанесли свой удар.

– Понимаю, – сказала я безэмоционально. – Ты жертвуешь собой ради дела.

Он не уловил сарказма.

– Именно, – он наклонился вперед. – Марина, я знаю тебя

много лет. Ты всегда была умной, прагматичной. Посмотри на ситуацию трезво. Я пытаюсь найти выход. Но для этого мне нужна твоя помощь. Твоя подпись, – он положил руку на портфель.

– Нет, – я покачала головой.

– Марина…

– Нет, Виктор, – повторила я тверже. – Я ничего подписывать не буду.

Его лицо стало жестче, но он все еще держал себя в руках.

– Ты не понимаешь серьезности ситуации.

– Я понимаю больше, чем ты думаешь, – перебила я его. – Но я не подпишу ни одной бумаги, пока не получу доказательства. Полный, независимый финансовый аудит компании. Все счета, все движения средств, все сделки за последний год. И я хочу увидеть все варианты спасения, которые ты рассматривал.

Я сделала паузу.

– Почему ты не пришел ко мне раньше? Мы могли бы вместе что-то придумать. Как раньше.

Он усмехнулся. Холодно.

– Как раньше? Марина, «раньше» закончилось лет десять назад. Когда ты решила заняться цветами вместо бизнеса. Ты отошла от дел. Упустила многое. Ты уже не в курсе, как все работает на самом деле.

Я смотрела на него и почти восхитилась его способностью переписывать историю.

– Забавно, – сказала я тихо. – Я отошла от дел, потому что ты сам настаивал. «Марина, ты устала. Марина, тебе нужно отдохнуть. Займись чем-нибудь для души». Помнишь?

Он поджал губы.

– Я хотел как лучше.

– Ты хотел, чтобы я не мешала, – закончила я за него. – Чтобы не задавала вопросов. Чтобы не видела, что ты творишь с компанией.

– Ты все искажаешь, – он встал. Голос стал холоднее, но он не повышал тон. Держал себя в руках. – Ты не понимаешь реальности. Я пытался спасти наше дело. А ты мне мешаешь.

В этот момент в гостиную вошел Алексей. Он остановился на пороге, увидев отца.

– Доброе утро, – сказал он спокойно.

– Алексей, – Виктор кивнул ему. – Ты вовремя. Я еду в офис. Можем по дороге обсудить один вопрос.

– Спасибо, пап, но я на своей машине, – ответил Алексей. – Мне нужно по дороге заехать.

– Хорошо, – Виктор пожал плечами.

Он схватил портфель и повернулся ко мне. Вся деловая нейтральность исчезла. Лицо стало жестким, глаза – холодными, как лед.

– Марина, у тебя есть сутки. Подумай. Иначе я найду способ решить этот вопрос без твоей подписи. У меня есть рычаги. И я ими воспользуюсь.

Я встала и посмотрела ему в глаза.

– Я уже все сказала, Виктор. Мое решение окончательно.

Он стоял неподвижно, изучая меня. Потом медленно кивнул.

– Как скажешь. Но помни: это был твой выбор. Когда мы потеряем все – это будет на твоей совести.

Он развернулся и пошел к выходу. Дверь закрылась за ним тихо. Без хлопка. Без эмоций.

Мы с Алексеем остались стоять в гостиной. Из окна было видно, как его внедорожник выехал за ворота и скрылся за поворотом.

– Мам, – тихо сказал Алексей. – Ты в порядке?

– Да.

– Мне пора в офис. Олег сказал, что сегодня там будет напряженно.

– Будь осторожен, – попросила я. – Просто наблюдай. И если что-то пойдет не так – уезжай.

– Хорошо.

Когда за ним закрылась дверь, я вернулась в гостиную. Села в кресло у окна. Достала телефон и набрала номер Олега.

– Он был здесь, – сказала я. – Пытался убедить, потом угрожал.

– Ожидаемо, – ответил Олег спокойно. – Через двадцать минут счета компании будут заморожены. К обеду – первые повестки. К вечеру – уведомление о возбуждении дела. Пусть попробует что-нибудь решить.

Я положила трубку. Откинулась в кресле. Закрыла глаза.

Моя старая жизнь закончилась неделю назад. Но новая только начиналась. Какой она будет – я не знала. Но она будет моей. Честной. Без лжи.

Может быть, этого достаточно, чтобы начать сначала.

Глава 9

Прошло больше часа после разговора с Олегом, когда телефон зазвонил в первый раз. Экран осветился знакомым именем. Виктор.

Я посмотрела на вибрирующий аппарат и положила его обратно на стол экраном вниз. Олег предупредил: он будет звонить, как только узнает об аресте счетов. Будет давить, угрожать, манипулировать. Не бери трубку.

И я не взяла.

Телефон замолчал. Потом зазвонил снова. И снова. Я сидела в кресле у окна своего кабинета и не двигалась.

Двенадцать звонков за десять минут.

Потом пришло первое сообщение.

«Марина, возьми трубку. Срочно».

Я открыла переписку, скользнув взглядом по тексту.

«Ты понимаешь, что ты натворила? Счета заморожены. Вся работа встала».

«Ответь мне. Немедленно».

«Ты разрушаешь компанию. НАШу компанию. Из-за своей обиды».

«Это безумие. Прекрати, пока не поздно».

Сообщения приходили одно за другим. Я читала их без эмоций, как сводку новостей. Каждое слово было рассчитано на то, чтобы заставить меня усомниться, испугаться, сдать-

ся…

Я заблокировала экран и положила телефон обратно. Телефон снова зазвонил. Виктор. И я снова не отреагировала.

Около двух часов позвонил Олег.

– Марина Витальевна, все идет по плану, – его голос был спокойным, и это спокойствие действовало, как анестезия. – Счета заморожены с одиннадцати утра. Иски поданы и приняты к рассмотрению. К вечеру он получит официальные уведомления. Сейчас, думаю, он уже все понял.

– Да, – я усмехнулась. – Звонит не переставая. Семнадцать пропущенных.

– Не берите трубку, – жестко повторил Олег. – Ни в коем случае. Все, что он сейчас скажет – это попытка вернуть контроль. Записывайте звонки, если прорвется. Пригодится в суде.

– Понимаю.

– Через час к вам приедет моя команда. Проверим дом на прослушку, установим дополнительное оборудование. Двое останутся на постоянной основе.

– Хорошо. Спасибо, Олег Валерьевич.

Когда разговор закончился, я посмотрела на телефон. Двадцать три пропущенных звонка. Восемнадцать сообщений.

Я не стала их читать. Заблокировала экран и спустилась вниз.

Мне нужно было чем-то занять руки, отвлечься, иначе я

сойду с ума от этого ожидания, от звонков, от мыслей. На кухне было тихо и пахло чем-то печеным – Лида готовила обед. Она стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле. Услышав мои шаги, обернулась.

– Марина Витальевна, – она вытерла руки о фартук. – Вам что-то нужно?

– Чаю, – попросила я, садясь за стол. – Пожалуйста.

Лида поставила чайник. Достала мою любимую чашку – белую, с тонкой синей каемкой. Заварила чай, поставила передо мной вместе с сахарницей. Я обхватила чашку ладонями, чувствуя, как тепло разливается по рукам.

– Аня спит? – спросила я, глядя в окно.

– Да, – Лида кивнула. – Уложила после обеда. Устала девочка. Всю ночь ворочалась и дважды просыпалась.

– Спасибо, – поблагодарила Лиду, сделав небольшой глоток горячего и ароматного чая. Я думала о маленькой фигурке в старой розовой курточке. О том, что она теперь здесь. Надолго. Может быть, навсегда. – Девочке нужна одежда. И игрушки… Лида, ты больше времени с ней проводишь. Что ей интересно? Во что она любит играть? Чем занимается?

Лида задумалась, собирая мысли.

– Она очень тихая девочка, – сказала она осторожно, подбирая слова. – Совсем не шумит. Не бегает, не прыгает, как обычно, дети. Больше всего рисует. Тот альбом, что Алексей Викторович дал – уже почти весь изрисовала. Домики все рисует да солнышки. И медведя плюшевого из рук не выпус-

кает ни на минуту.

Она вытерла руки о фартук.

– Его бы, кстати, не мешало постирать. И ухо пришить – совсем оторвалось, на ниточке висит. Только боюсь у нее отобрать, она без него спать не может.

– Постираем, когда она заснет крепко, – сказала я. – Что еще?

– А еще книги любит рассматривать, – Лида вернулась к плите, помешала суп. – Те, что в гостиной на нижней полке стоят. Детские, старые, еще когда Алексей Викторович маленький был. Берет, садится в угол на диван и листает. Картинки смотрит. Читать, наверное, еще не научилась. Рано ей.

Я кивала, запоминая. Альбомы для рисования. Карандаши, фломастеры, может быть, акварель. Книги с картинками – современные, яркие. Одежда: куртка теплая, платья, колготки, обувь. Игрушки – но какие? Куклы? Конструктор? Нужно будет посмотреть в магазине.

И медведя постирать, ухо пришить.

– Спасибо, Лида, – сказала я искренне. – Это важная информация.

Она посмотрела на меня с каким-то особенным выражением – теплым, почти материнским.

– Вы добрая, Марина Витальевна, – сказала она тихо. – Не каждая женщина на вашем месте так бы поступила. С чужим-то ребенком.

Я не нашлась, что ответить. Встала из-за стола, взяв недо-

питую чашку с собой, и вышла в холл. Телефон снова зазвонил. Олег.

– Марина Витальевна, наши подъехали.

– Хорошо, сейчас открою, – проговорила, подходя к домофону, как раз в тот момент, когда к воротам подъехали две черные машины, с тонированными стеклами. У входа возились несколько человек. Двое в форменных куртках – охранники. Еще трое в штатском, с какими-то приборами в руках – техническая группа…

Спустя два часа ко мне подошёл крепкий мужчина лет сорока пяти с короткой стрижкой и внимательными серыми глазами.

– Марина Витальевна? Максим Петрович, – он протянул руку. Рукопожатие было крепким, уверенным. – Мы от Андрея Сергеевича. Закончили предварительный осмотр.

– И? – я посмотрела на него.

– Дом чист. Никаких прослушивающих устройств, никаких жучков. Все в порядке.

Я выдохнула с облегчением. Значит, Виктор еще не дошел до таких методов. Или не успел.

– Хорошо. Спасибо.

– По указанию Андрея Сергеевича мы установим дополнительные камеры наблюдения по периметру участка, – продолжил Максим Петрович, доставая планшет и показывая мне схему. – Здесь, здесь и здесь. Усилим сигнализацию. Поставим датчики движения на всех подъездных путях. Мои

люди будут здесь круглосуточно, посменно. Незаметно, но рядом. Если что-то случится – среагируем мгновенно.

Я смотрела на схему, где мой дом был обозначен красными точками – камеры, датчики, зоны контроля. Мой дом превращался в крепость. В осажденную крепость.

– Делайте, что нужно, – сказала я, возвращая ему планшет.

Когда он отошел командовать своими людьми, я прислонилась к стене и закрыла глаза. Жить становилось все страшнее. Камеры. Охрана. Датчики движения. Как будто мы готовимся к войне. Хотя, по сути, она уже шла.

Но в глубине души теплилась слабая надежда: может быть, Виктор остановится. Может быть, он не зайдет так далеко. Может быть, в нем еще осталось что-то человеческое, что удержит его от совсем уж чудовищных поступков.

Я вернулась в кабинет. Снова звонок. Алексей.

– Леша?

– Ты понимаешь, что ты творишь?!

Голос мужа был хриплым, срывающимся. Не крик – хуже. Шипение, едва сдерживаемая ярость, готовая взорваться.

Я молчала. Просто держала телефон у уха и слушала.

– Ты уничтожаешь наше детище! – продолжал он, и каждое слово было пропитано ядом. – Двадцать пять лет работы! Ты заморозила счета! У нас сегодня закрытие контракта на десять миллионов! Зарплаты! Поставщики! Все встало! Ты спятила?!

Я молчала.

– Это твоя бабская ревность! – он задыхался. – Ты не можешь адекватно оценивать свои действия! Ты истеричка, которая рушит все из-за раненого самолюбия! Ты хоть понимаешь, сколько людей пострадает?! Сколько семей останется без денег?!

Пауза. Он ждал, что я начну оправдываться, спорить. Я молчала.

– Марина! – рявкнул он. – Ты меня слышишь?!

– Слышу, – сказала я спокойно. – Закончил?

– Что?!

– Я спрашиваю: ты закончил свою речь? – мой голос был ровным, холодным. – Потому что если да, то я тебе кое-что скажу.

Он замолчал. Сбитый с толку.

– Двадцать пять лет, Виктор, ты обвиняешь меня в уничтожении того, что мы строили двадцать пять лет, – я говорила медленно, отчеканивая каждое слово. – Но ты забыл одну деталь. Это я придумала концепцию компании. Я написала первый бизнес-план. Я нашла первых клиентов. Ты был лицом, я – мозгом. И когда ты меня выставил на пенсию под предлогом заботы о моем здоровье, ты начал эту компанию топить. Без меня. Сам. Так что не смей обвинять меня в разрушении того, что ты уже давно разрушил.

Тишина на том конце провода была оглушительной.

– А насчет пострадавших семей, – добавила я, – это твоя

совесть, Виктор. Не моя. Ты украл деньги из компании. Ты заключал фиктивные сделки. Ты готовился продать наше общее дело за спиной у меня. Так что не перекладывай свою вину на меня.

Я сделала паузу. Потом добавила тихо:

– И в следующий раз звони с собственного телефона. А не прячься за спиной сына.

Я отключилась. Положила телефон на стол. Руки дрожали – не от страха, от адреналина, от ярости, которую я так долго сдерживала.

Прошло не больше минуты, когда телефон зазвонил снова. Я посмотрела на экран, готовая отклонить, но увидела другое имя.

Андрей.

Я взяла трубку.

– Да?

– Как ты? – его голос был спокойным, теплым. Таким знакомым.

– Нормально, – соврала я, потом осеклась. – Нет. Не нормально. Виктор только что звонил. Орал, обвинял, манипулировал. Все как обычно.

– Держишься?

– Держусь, – я прошла к окну, посмотрела на сад. – Просто… не ожидала, что узнаю столько нового о человеке, с которым прожила столько лет. Оказывается, я совсем его не знала.

Андрей помолчал.

– Марина, – сказал он осторожно, – он всегда был таким. Манипулятором. Эгоистом. Человеком, который видит мир только через призму собственной выгоды. Ты просто этого не видела. Потому что была влюблена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.